

18+

НЕРУМИКОН

by АДЕМЕРА

Адемера Нерумикон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51327628

ISBN 9785449829764

Аннотация

Бедовая путешественница Васка Востра – одна из мглородившихся. Говорят, когда-то именно они убили демиургов и запустили зло в мир. Говорят, в них самих течёт зло. И ещё говорят, что если кто-то из них позовёт, нельзя не пойти следом.

Содержание

Часть I	6
~~~	8
Нерумикон, день Утопшего месяца, 11	9
Нерумикон, день Утопшего месяца, 13	17
Нерумикон, день Утопшего месяца, 17	23
Нерумикон, ночь 18—19 Утопшего месяца	27
Нерумикон, день Утопшего месяца, 26	36
Постулаты для обучения экзорцистов	38
Катакион, ночь месяца Жатвы, 1	40
Нерумикон, день месяца Жатвы, 1	44
Нерумикон, месяц Жатвы, 2	48
Катакион, день месяца Жатвы, 2	61
Нерумикон, месяц Жатвы, ночь 2—3	68
Катакион, месяц Жатвы, 3	71
Нерумикон, день Жатвы, 4	79
Катакион, день месяца Жатвы, 10	81
Нерумикон, день месяца Жатвы, 10	87
Зейкаритон, ночь месяца Жатвы, 10—11	95
Катакион, месяц Жатвы, ночь 10—11	98
Нерумикон, ночь Жатвы, 10—11	100
Часть II	104
Нерумикон, день месяца Жатвы, 15	106
Катакион, день месяца Жатвы, 17	111

Нерумикон, день месяца Жатвы, 17	116
Нерумикон, ночь Жатвы, 19—20	123
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Нерумикон

Ademera

© Ademera, 2020

ISBN 978-5-4498-2976-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Когда-нибудь однажды, через много лет,
Ты наберёшься смелости сделать шаг наружу.
По-детски убеждённый, что рассвет
Тем ярче светит, чем сильнее нужен.

Или получится, что в дымке берегов
Не различишь ты собственное имя?
Или поймёшь, что край из детских снов
И небо дивное успели стать чужими.

И тогда вернёшься, может быть,
В свой крепкий и простой зеркальный город.
Но никогда не сможешь позабыть
Запах костров, призывный, древний голод.

Простую, разъясняющую суть:
Таким, как ты, нельзя быть среди прочих.

И эта дрожь, что не даёт уснуть,
Тебя заставит выть посреди ночи.

Нерумикон, день Утопшего месяца, 11

Шаг.

Ещё шаг.

Васка пробиралась по незнакомому лесу. Местные называли его «мёртвым». Они не объясняли почему, и со стороны роща выглядела совершенно нормальной. Но Васка догадывалась – этот лес стоило пересечь поскорее. Ни один листочек не двигался, и чаща не дышала, не жила. Она просто стояла: без звуков, без цели, как замороженная. Древняя магия, мрачно подумала Васка. Кое-где она протравила саму землю. Всё здесь давило ужасной тишиной, которую ради своего же блага не следовало нарушать.

Васке это было безразлично: собственный шум в её голове не утихал ни на минуту.

Она всюду примечала силки, хотя для них уже не было ни птиц, ни зверей. И всё же в некоторых что-то болталось. А другие были сломаны и размётаны, а земля рядом страшно воняла. Под ногами Васка нашла кусок тряпки с полустёртым белым крестом. Некоторым людям кажется, что эмблемы делают из них неуязвимых героев. Напрасно...

Мёртвый лес навещали лишь отчаянные люди: борцы с внешними монстрами, беглецы от закона, искатели приключений... и бродяги, которым терять совершенно нечего и можно идти везде направо. Навроде Васки.

Хруст под подошвой, что-то маленькое. Стремительный свист над плечом. Васка замерла и выдохнула.

Тут слишком много ловушек. Потому что она ещё близко к городу. Чем больше на границе с лесом хитроумных механизмов убийства, тем спокойнее спится жителям Собальта. Сами они через чащу не ходят, они слишком нормальные. Страшнее ловушек только то, что может пробудиться, если много шуметь и скакать. Поэтому нужно очень хорошо сосредоточиться и мягко обойти всё. Прочувствовать лес.

Только лес. Васка закрыла глаза, попыталась не хмуриться. Её ресницы чуть вздрагивали – а кому понравится лишать себя зрения в таком месте?

Только лес. Не Собальт, оставшийся позади и сияющий разноцветьем нерумных огней. Не вчерашний праздник. Не таверна, где она умудрилась задарма поужинать, и не костёр, который она сегодня разведёт по ту сторону отравленной чащи. Даже не лицо Шанса, торопливо лопочущего перед её уходом. Сосредоточься, Васка! Старое, но хорошее упражнение. Только лес.

Когда ты научишься передвигаться так, наощупь, когда ты перестанешь празднично размахивать руками и почувствуешь подушечками пальцев острые ветки терновника, когда ты услышишь под ногами тихий-тихий хруст давно высохшей черники; когда ты, наконец, окинешь внутренним взором всё пространство вокруг и почувствуешь тонкий поток воздуха между деревьями. Когда станешь чувствительна к ма-

лейшим движениям вокруг. Вот тогда, Васка, ты полностью сосредоточилась и понимаешь, где ты. Открой глаза.

Пока Васка не видела, напозл голубоватый туман. Или она просто не замечала его? Не думала, как ограничен обзор? Стыд. Не этому её обучали в Инориуме.

«Оставайся спокойной и собранной, никогда не позволяй чему-либо застать тебя врасплох. Разве не так ты привыкла жить?»

Всё правильно. Поэтому она ещё вообще жива.

Вчерашнее путешествие было долгим. Когда Васка добралась до города, там царили суматоха и праздничная суета. Места были только в таверне собальтского университета, потому что сюда неучёный народ ходить стеснялся. Да и возрастом Васка на студентку сходила. Ей не хотелось платить фестивальные цены, так что она позаигрывала с трактирщиком. Сама удивилась, как её измотанный вид мог произвести нужное впечатление, но это почему-то работало. Почти всегда работало.

Васка устало бухнулась за дальний столик, с нежностью погладила кружку фруктовой браги. Вокруг смеялись школяры, соблазнительно пахло мясом и картошкой. Кто-то пел на инорийском с ошибками. Васке всё не несли еду, и она пока впилась в дорожный хлебец.

«Нерума не хватает...»

Нерум был единственным, чего ей не стоило сейчас упо-

треблять. Эти золотисто-медовые сладкие кристаллы не для её измождённого тела, не сейчас и вообще...

За её столик бухнулся симпатичный юный сугнир. Васка с интересом подняла брови, но всё же решила не начинать. Сил не было, ещё завтра продираться через «мёртвый лес»... Да и он совсем мальчишка. Васке такие не нравились.

Серокожий паренёк навис над кружкой с сильно пахнущим травой варевом. И засверкал жёлтыми глазами.

– Меня Шанс зовут. Услышал твой разговор с трактирщиком. Так ты у нас, значит, инорийка? Любо-опы-ы-ытно...

Васка потянула носом.

Судя по запаху – какая-то медовуха, испорченная полынью. И почему сугниры так любят портить хорошие напитки такой горечью! И сладкая нотка, ни с чем не спутываемый аромат нерума. Его здесь жрали в таких количествах, будто умели ценить. Васка глотнула воздух, надеясь, что собеседник не заметит её блестящего взгляда.

Он, наверное, списал его на интерес к себе.

– Так что же держит пришлицу из Небесной столицы здесь? Нерина – такой скромный материк по сравнению с Парящим Островом!

Васка усмехнулась на его иронию.

– Возможно, отсутствие общих дел с инорийцами, – парировала она. Её глаза прекратили впиваться в чужую кружку, Васка принялась рассматривать серокожего незнакомца.

У сугнира было очень подвижное лицо, будто он пытался

выразить множество эмоций сразу. Чуть вытянутое, и острые уши не опущены вниз, как у большинства сородичей, а резво растопырены в стороны. И глаза даже не совсем жёлтые, а с едким зеленоватым отливом, словно бутылочное стекло. Одет Шанс был в смешное, даже по их сугнирским меркам, обилие тряпок. От бежевого до тёмно-зелёного, и все – с какими-то карманчиками и шнурками... из некоторых выбивались трава и бумага.

Губы молодого сугнира постоянно приплясывали, по причине и без обнажая мелкие зубы с сиреневатым отливом. Купол взъерошенных, пепельно-русых волос колыхался над ним, когда паренёк вертел головой. Завивающиеся у самых концов пряди смешно обрамляли длинные уши – уши без проколов, как у большинства серокожих.

Несмотря на резвую болтовню и беглые расспросы, сугнир не отличался цепкостью взгляда. Пара огромных сияющих глаз добродушно, в упор разглядывали путешественницу. В отличие от самой Васки, которая за несколько секунд успела изучить Шанса.

– Хей, ты, может, думаешь, что я шпион? Расспрашиваю тебя о всяком, хотя мы совершенно незнакомы...

Васка прыснула.

– Ты – шпион? Поверь, даже мысли не возникло, – ответила она и отхлебнула бражки. Обычной браги. Без нерума.

Хотя в чём-то он прав, в этой части континента гуляло больше революционно настроенных ребят, чем Васке бы хо-

телось. Готовых придушить любого, кто с восторгом заговорит о Светлой Башне. Да и без восторга тоже. Так что лучше бы Шансу заткнуться или начать говорить о науке и истории. Он ведь, наверное, эту ерунду изучает? Иначе что ещё сугниру в чудаческих тряпках делать в университетской таверне?

– Я вообще-то алхимик, – резво поделился он и шевельнул ушами. – Из Университета.

Он продемонстрировал затерявшийся в складках значок. Васка кивнула. И вспомнила, что совершенно не представилась.

– Васка Востра. Я... вольная странница, так сказать.

Шанс уважительно глядел на тряпку с остроконечным белым крестом, намотанную на плече Васки. Может, теперь он ждал от неё чего-то внушительного, мол, привет, я агент инорийской Инквизиции... Под прикрытием, разумеется. Именно поэтому у меня столько грязи на сапогах и лице, тёмно-русые волосы заплетены кое-как, а из дорогих вещей на мне только зубристая сабля.

Однако белый крест мог носить каждый, кто считал, что ему впору сражаться с монстрами. Или желал зацепить взгляд возможного работодателя в... в общем-то, в любых делах. Смотрите, я сильный, я могу делать разные вещи. Таких, как Васка, эмблема с крестом отличала от бандитов и мародёров. И кое-кого похуже, хотя это редкие случаи. Васке был нужен этот опознавательный знак.

Шанс протянул серо-фиолетовую руку с острыми, загнутыми внутрь коготками. С большим смущением, чем желал.

– Мне очень приятно, Ва-васка. У меня совсем немного друзей...

«Не удивляюсь и догадываюсь, почему...»

Васка оступилась и выругалась, когда под ногой снова хрустнуло. Она не заметила ветку терновника и наступила на неё полной стопой. Мёртвый лес раскинул свои лапы на много вёрст в разные стороны, и ни одна ловушка не будет ждать, пока Васка сообразит, что попалась. Здесь нужно было рассчитывать каждый шаг, ведь под любым бревном могло лежать невесть что. Но после Инориума она и не такие места проходила. Тут главное – двигаться тихо, не ждать рассвета и не задерживаться на одном месте слишком долго. Это же мёртвый лес, да, но это не значит, что он пустой...

Её мысли прервало неистовое бряцание сзади. За туманом что-то двигалось, что-то резкое, бесцеремонно разрывающее тишину леса. Переведя дух, Васка поняла, что это просто путешественник. Он шёл, нарушая все правила безопасности. Что-то металлическое звенело у него в вещах, усиливая нелепость происходящего. Приплясывающей походкой – и как он не попался в арканы? – и, подумать только, что-то насвистывая! – он решительно и бескомпромиссно приближался к Васке сквозь туман.

Васка огромными глазами уставилась на Шанса, наконец

остановившегося перед ней.

– Я знал, что догоню тебя. Хотя ты гораздо раньше ушла, чем я думал.

– Ты что, забрёл за мной в этот лес? – Васка уставилась в нетерпеливо горящие глаза сугнира. – Хорошо, выкладывай. Зачем я тебе так понадобилась?

– Ты ушла из города, – Шанс замялся, но в глазах горела потаённая решимость. – Просто взяла и ушла, куда хочешь. Не беспокоясь ни о каких гильдиях, университетах... с этой повязкой. Я не хочу оставаться, когда кто-то другой вот так уходит. Я тоже решил уйти.

Вот так вот просто? Болтовни о приключениях и сверкания глаз в предвкушении долгой дороги хватило, чтобы заставить Шанса изменить образ жизни? Васка внимательно оглядела его с головы до ног и остановилась взглядом на ушах. Они нервно подрагивали, ожидая её слова. Было бы совершенно безответственно, даже преступно брать сугнира с собой.

– Хорошо. Пойдем.

Она развернулась и побрела вперёд по начинающему тихо пробуждаться лесу. Грохот, с которым передвигался Шанс, наверняка мог поднять даже захороненных здесь мертвецов. Некоторых – буквально.

Что ж, тем интереснее дорога.

Нерумикон, день Утопшего месяца, 13

– А-аагрх! Проклятье!

Уже.

Только что вышли на дорогу, и вот уже.

Васка застонала от боли в спине. Чудовище, швырнувшее её на камни, зарычало и надвигалось вперед. Хотя это даже не чудовище.

– Чтоб тебя...

Тело не хотело шевелиться. Боль пронзила суставы, но задета была только спина. И ссадины. Одна на лбу.

Шум подступал к голове, невероятный шум. «Если бы был нерум...» – но Васка тут же отвергла эти мысли.

Идиотский, пресловутый, мерзопакостный голем!

Васка сжала зубчатый меч и со вздохом заставила себя подняться. Шанс мельтешил где-то сзади, отвлекая голема, но помощи от Шанса...

Поганый голем.

Свободная рука поднялась вперёд. Васка попыталась выпустить Искру... но на пальцах возникли лишь жалкие едко-зелёные огоньки. Шум в голове тут же усилился. Васка скрипнула зубами. Голем гулко зарычал и снова повернулся к ней. Васка уже кое-как очухалась и заставила тело увернуться от дробящего удара. Руки-ноги слушались лучше, чем она ожидала, машинально выполняя натренирован-

ные движения. Но новый приступ шума в голове заставил её согнуться пополам.

– Васка!

Шанс отчаянно жестикулировал, что-то крича.

Голем вырвал из земли камень, о который недавно кинул Васку. Широкая тень легла на неё. Легендарная неповоротливость этих существ? Чушь! Сказки! Этот умудрялся шевелиться весьма резво. Шум в голове отступил на минуту, но боль во всём теле мешала сражаться. И клинок с зубристым лезвием тут не поможет. Это не такой враг. Прикинув, куда голем собирался швырнуть глыбу, Васка поспешила убраться в сторону – почти вовремя, и всё же осколки достали её. Стараясь выглядеть бодро, она вскочила на ноги. Перед глазами от такого скачка всё помутилось.

– Уходим! Беги к деревьям, Шанс!

Сжав зубы и еле переставляя ноги, она побежала за сугниром. Голем рычал и топал уже за ними, но всё-таки скорость не позволяла ему догнать добычу. Ещё один камень полетел в сторону Васки и разбился фонтаном осколков неподалёку. Крепко сжимая бесполезный меч, Васка набирала скорость. Она даже могла не припадать на левую ногу, если сильно старалась. Шанс был уже между деревьев и с тревогой смотрел на неё.

– Морок распусти, остроухий! – проревела Васка, хромая к чаще. Сугнир встрепенулся, виновато замахал руками. Неужели не умеет? Зато он зарылся в сумке и вытащил

небольшой продолговатый предмет, похожий на ракету для фейерверка.

«О звёзды, мы сейчас оба подохнем...»

Шанс что-то чиркнул. Васка продолжала бежать. Со свистом над ней пронёсся заряд. Потом за спиной раздался треск, летели огоньки. С колотящимся в висках сердцем Васка достигла рубежа деревьев. Нырнув в подлесок, она потащила Шанса прочь от пресловутой поляны.

Минут пятнадцать они ещё неслись, хотя за спиной давно стихла погоня. Шанс начал попискивать и отставать. Васка и сама наконец остановилась, со стоном рухнула на валежник.

Сугнир, тревожно шевеля ушами, присел рядом. Он молча смотрел на неё.

Васка не выдержала.

– Сгореть бы ему во Внешнем пламени! – в болезненной ярости выкрикнула она. – Нам ведь нужно было просто пройти!

Она осеклась – от обиды и боли у неё заслезились глаза. Васка быстро отёрла лицо и осмотрела себя.

Вся одежда была изорвана и в грязи, из нескольких ссадин сочилась кровь. Серьёзных ран не было, но спина...

– Тише, приляг, – заструилась речь Шанса. – Вот, выпей это.

– Это что?

– З-зелье?..

Васка враждебно уставилась на пузырьёк.

– Я не пью незнакомые зелья. И я даже не знаю, насколько ты там хорош в своей алхимии...

Увидев лицо Шанса, Васка догадалась, что взяла слишком резкий тон.

– У меня аллергия на некоторые препараты, – попробовала она помягче. – Поэтому я не пью незнакомые зелья.

Сугнир замялся и опустил уши, предлагая Васке заглянуть в сумку. Эта аккуратненькая, лакированная кожаная сумка осталась почти единственной из всех вещей, что Васка убедила его продать в первой же деревне. Она висела у Шанса всегда на боку, и оттуда приятно пахло травой, мёдом и нерумом. Внутри блестело множество чистеньких баночек с зельями.

– Это дорожные. Медик из меня не очень хороший, но они дают силы и помогают игнорировать раны.

– Никаких «лечилок»? – внимательно глядя в глаза Шансу, допытывалась Васка. – Клянёшься?

– Н-нет здесь исцеляющих зелий, – засмутившись ещё больше, пролепетал паренёк. – Только дорожные. Ценность исцеляющих вообще преувеличена...

– Хорошо. Чуток сил мне понадобится.

Васка проглотила настойку, стараясь не морщиться от едкого вкуса. Пустой пузырьёк вернулся в сумку. В голове немножко прояснилось. Шанс повеселел и принялся болтать о высоте алхимии в те времена, когда в мире ещё были ма-

ги. А Васка следила за ним краем глаза и спрашивала себя, сколько же пройдёт времени перед тем как сугнир догадается, почему ей нельзя пить лечебные зелья.

– Это наше убежище на сегодня, – разведя руки, Васка продемонстрировала заброшенную медвежью берлогу.

– Разве мы не собирались уже вечером быть в Вольсирмайере? – скептически отозвался Шанс. – И... у этого убежища точно нет хозяина?

Он смешно потянул носом воздух, принюхиваясь к старому запаху зверя. Но медведи очень чисто содержат берлоги. Пахло елью, мехом и мхом.

– Сейчас лето, верно? Все медведи снаружи бродят, – Васка указала пальцем в потолок. – Вверху.

Шум давил на её череп изнутри, но она уже не обращала внимания на эту постоянную докучливую боль.

– Как бы то ни было, сегодня добраться до города нам не светит, – вздохнула она. – Эти дубины связаны друг с другом, теперь они весь день будут нас искать.

Проклятый голем. Он не должен нападать на мирных путников. Их ведь специально начали устанавливать вдоль дорог, чтобы обеспечить безопасность, и... Внешний Огонь, она должна была, она обязана была предугадать, что такой голем обязательно на неё набросится!

Шанс опустил на дно берлоги, покорно опустив уши. «Он явно не привык к такому», – с ноткой жалости подума-

ла Васка.

– Мы можем развести костёр, если хочешь, – дружелюбно сказала она.

– Прямо здесь?

– Ну да. Еловые ветки прекрасно горят, а сучьев я видела снаружи достаточно.

Они жгли костёр, сидя друг напротив друга и уныло глядя в огонь. Ещё не стемнело, до конца дня было далеко, и все инстинкты звали идти дальше. Молочно-золотистый дневной свет падал через отверстие в потолке, куда устремлялись струйки дыма. Все планы, все силы, все мысли были настроены на путешествие... и Васка проклинала себя, но не двигалась с места. Она старалась не думать о том, что её собственная слабость держит их в берложем плену.

Нужно было дождаться, пока патрульный успокоится и устанет искать. Или отправится докладывать кому-нибудь о появлении чудища на дорогах. Или просто впадёт в свою глиняную спячку. Что они там, големы, делают? Так или иначе, он должен был уйти с их дороги. А потом Васка с Шансом выползут, пересекут тракт, и снова пойдут глухой чащей до следующей отметки на карте.

Сучья тихо трещали в огне.

Они ждали.

Нерумикон, день Утопшего месяца, 17

Бум.

Бу-бумм.

Нет, это не голем бьёт по голове. Это крики и грохот... снизу. Она лежит где-то. В кровати, что характерно. Чья кровать? Какой город...

Бу-буммм!

– Ох... о-ох... – Васка приподнялась на локтях и тут же завалилась обратно.

По запаху простыни можно было сказать, что это какая-то дешёвая таверна. Да и не нужно быть инквизитором, чтобы догадаться. Какие могли быть варианты? Чтобы проснуться в чей-то хозяйской постели, нужно путешествовать без спутников.

Свет проходил через ставни и неприятно светил в глаза. Было больше полудня.

«Что стряслось ночью?» – она смутно помнила крики и шум и суету, постоянно мельтешащее перед ней лицо Шанса, и ещё какие-то лица... Вчера Васка провела совершенно приятный вечер и ни с кем не дралась. Но теперь, когда она пробовала пошевелиться, тело отзывалось странной дрожью и судорогой. Если подумать, Васка не могла пожаловаться на прямо-таки плохое самочувствие. Нет, она уже проснулась и почувствовала себя на удивление бодро. От недавних

ран не осталось и следа, и кровь снова пела, протекая по жилам... стоп. Это сладковатое пение.

Нерум, конечно же. Вчера они дошли-таки до Вольсирмайера, и Шанс затарился на ярмарке нерумом... Пытался подбодрить Васку угощением, а она возьми и сожри всё.

«Так, был ещё какой-то молодой человек, с которым я сюда ночью поднималась...»

Впрочем, неважно. Он наверняка убрался перед тем, как всё покатило в Пролом.

Снизу снова раздался шум. Затем кто-то торопливо взбежал по лестнице.

Дверь приоткрылась и стукнула.

– Васка! Васка, просыпайся, – на требовательно-строгое лицо переполошенного Шанса было смешно смотреть.

«Ставлю на что угодно – всю ночь, пока я тут пыталась подохнуть, он носился вокруг меня с припарками... хорошо, что я сказала не отпаивать меня лечебными зельями. А то смерть была бы ещё и болезненной. Ох, я задолжала ему парочку объяснений, да?»

– Что происходит?.. – Васка старалась быть дружелюбной и спокойной. Она пережила ночь. Значит, всё хорошо. – Почему я должна вставать?

Шанс нервничал. Его лицо быстро менялось, и он мял пальцами складку своих тряпок.

– Там... внизу охотники. Они знают, что ты – *пережившая*...

Ох, блестяще. Так объяснять уже ничего не нужно? Васка поборола желание выругаться и прищурила глаза.

– Ты ведь не сам это выяснил, верно? Кто ещё видел меня? Что вообще произошло ночью?

– Нуу... я сидел внизу... когда тот тип, с которым ты... твой кавалер, в общем, бросился опрометью из таверны, а сверху что-то грохнуло. Я пошёл проверить и увидел тебя в пене на полу. Понял, что сам не справлюсь, да и ты говорила... в общем, я помчался за доктором. Пока искал, поднялся переполох, все стали спрашивать. Но я никому не сказал! Я сам ничего не понял. Только потом врач наконец осмотрел тебя...

Васка вздохнула.

– Спасибо, Шанс.

Уж что-что, а благодарность она задолжала ему точно. Ушки сугнира порозовели и чуть поднялись вверх.

– Сильная интоксикация, он сказал...

– Не продолжай, я знаю.

«Я пыталась не есть нерум столько дней... и всё равно уровень яда так высок?» – Васка поглядела на свою руку в задумчивости, сжала и разжала пальцы.

Без заботы Шанса она вообще-то могла умереть, или должна была умереть, учитывая, как тревожно он об этом рассказывает. Он бы не помчался сдавать её прохожим из-за лёгкой отключки.

«Сколько же я сожрала...»

– Однако сейчас это всё неважно, – посерьёзnel Шанс. Там люди внизу. Они вот-вот поднимутся.

Все звуки на первом этаже исчезли, словно никого там и не было. Васке не нужно было проверять, чтобы знать, что за этим кроется: бугаи наконец убедили трактирщика не мешать убивать постояльцев и затаились на лестнице.

– Сколько их?

– Четыре и ещё два снаружи.

В общем итоге ситуация складывалась удивительно благоприятная, размышляла Васка. Бодрящая энергия солнечного нерума, по которой она так скучала, совершенно излечила её от невзгод дороги. Не зря из него лекарства делают. А то, что для неё это яд... каким-то образом на сегодня Васку спасли. А то, что из таверны прорываться придётся с боем? Васка усмехнулась. Остатки нерума пели в её крови, как они никогда не запоют в жилах простых людей. Им даже близко не представить, как хорошо бодрят эти золотистые кристаллы...

– Готовься, Шанс, – кивнула она спутнику. – Сейчас тут будет интересное начало дня.

Она медленно расползалась в ухмылке, хищно глядя на дубовую дверь.

Нерумикон, ночь 18 —19 Утопшего месяца

Васка лежала на траве, разглядывая звёзды.

– Ну хорошо, допустим, – рассуждал голос Шанса. – А ты не боишься просто... не знаю... залететь? С такой жизнью...

Они разбили лагерь за чертой деревни. После последних происшествий Васка решила поостеречься постоянных дворов. У тех недотёп должны были быть друзья. Очень легко дружить против монстров.

Васка усмехнулась. Всё-таки Шанс решился озвучить свои сомнения насчет её поведения в городах. Ну что поделать, если она так легко сходилась с людьми? Да, девушки в этих краях нечасто уводят в свою комнату красавчиков, которых знают полчаса. Признаемся честно: не все из них даже красавчики. Но девушки в этих городах и не уходят в неясность дороги на следующий же день, и с монстрами из Внешнего Пламени не дерутся.

И всё же, в Инориуме, где Васка обучалась, такое сочли бы вульгарностью. В Инориуме ведь было принято всё скрывать. Хотя сама Небесная Столица могла бы похвастаться такими историями, что и Васку бы в краску вогнала...

В любом случае, чтобы там Шанс ни воображал, Васка никогда не бедокурила со спутниками. На это были причины.

– Не, не боюсь, – промычала она в ответ на вопрос. – Пе-

режившие не рожают детей. Мы не знаем ни любви, ни родительских инстинктов. Слишком заняты подметанием дорог. Да и так себе из нас бы вышли родители.

Она почти чувствовала смущение Шанса, который безуспешно пытался выглядеть бойким и непоколебимым. Он же и собственное имя не мог произнести без запинки, если думал о чём-нибудь хоть мало-мальски распушенном. Сегодня, видимо, набрался смелости. Или это всё ночь. Да, определённо. Ночь всегда всех заставляет откровенничать.

– Как же вы тогда... размножаетесь? – сбивчиво спросил он, и Васка четко представила себе, как розовеют его уши. Поворачивать голову, чтобы увидеть, было лень.

– Перерождаемся, – просто ответила она. – Возможно, поэтому нас пережившими и зовут. Да, возможно.

Пауза. Шанс о чём-то думал.

– Я читал всякое о вашей расе. Никогда не надеялся увидеть живого представителя.

– Нас никогда никто не надеется увидеть, – хмыкнула Васка. – Скорее наоборот. Я вообще рада, что ты не убежал в тот же вечер. После того, как отправил ко мне доктора.

– Когда я понял, что к чему, было уже поздно, – признался Шанс. – Я тебя уже не боялся. Слушай, а это потому на нас голем бросился?

– Ага. Он должен реагировать на монстров Ит Ахра. На заражённых. Или контролируемых.

– Всех, кто несёт в себе Древнее Зло... – задумчиво про-

должил сугнир. – Забавно. Хотя это серокожие народы появились от долгой жизни под землёй и соприкосновения с монстрами, метафизически в нас этого Зла совсем нет. А в переживших оно проявляется в каждой мелочи. Что же вы там натворили такое...

– О нет, Шанс. Если ты ждёшь от меня разгадки величайших тайн Сферы, то даже не начинай. Я не помню предыдущие жизни. И не желаю. Боюсь, они все были одинаковыми.

Шанс задумался.

– На кафедре Высокой Алхимии была одна сильфийка. Ей почему-то взгрелось, что её сосед был пережившим. Она до жути боялась его, даже однажды морок ему в огород запустила. А потом испугалась, что он выследит её и отомстит, уехала в другой город и стала прачкой.

– Пфф!

– А ещё инквизиторы жаловались на ваш род. Никто не знает, как с вами обращаться.

– Не слушай их. Они лучше всех знают, когда дело доходит до нечисти. Есть монстрячи признаки – всё, «Древнее зло». Без вопросов.

– К сугнирам и сильфидам у них нет претензий.

– Что же тогда я Инориуме ваших представителей не встречала? Да и какие из сильфидов монстры... Они же как лебеди. Перья, во всяком случае, из головы торчат. Но, кстати, серокожие тоже бывают пережившими. И тогда даже лебеда в суп кинут.

– Тебя пытались убить?

– Нет, до такого не доходило. Ну, разве что на бытовом уровне, как вчера. Я стараюсь не привлекать шибко много внимания. Двигаюсь, меняю дороги и одежду. Завожу знакомства, избегаю знакомств. Древнему злу приходится быть изворотливым, если оно хочет стать полноправным членом общества.

– Слушай, а...

– Ммм?

По голосу Шанса можно было понять, что ему опять пришло в голову что-то неловкое.

– Валяй уже.

– А хвост у тебя...

– Пха-ха-ха!.. – Васка затряслась от взрыва хохота. Шанс притих.

– Ты... ты серьёзно!

– Ну... сама знаешь, что про вас пишут в книгах.

– Нет, у меня нет хвоста, – вытирая капельки слёз, честно ответила Васка.

Шанс вздохнул.

– Идиотский вопрос.

– Лучше, чем терзаться в сомнениях, – снова засмеялась Васка.

– Так ты... из Инориума, верно? – вновь послышался голос Шанса. Васка вздрогнула и приоткрыла глаза. Она дума-

ла, сугнир уже задремал.

– Да, я училась там, – без эмоций ответила она и зевнула. – Семь лет провела.

– И видела Светлую Башню?

– Доводилось заходить туда.

– Тогда почему ты здесь? Просто так из Инориума не уходят. И даже те, кого я видел...

– ...можно не остаться в Инориуме, но Инориум остаётся в тебе? – процитировала Васка известное выражение. – Ага, это точно. Как только провоняешься тамошним душком... никогда не отмоешься. Станешь свиньёй и лицемером, как они все.

Шанс вздрогнул так резко, что шелест прокатился по травинкам. Васка нахмурилась.

– Ты тоже из тех, кто читал только истории о небесной столице с белыми стенами и золотыми крышами, да? Остров-сказка, парящий в облаках, святая святых, юдоль хозяйки мира... прими её звёзды. Только бред это всё. Там знать, как во всех городах. Только ещё хуже. Гораздо хуже.

– А ты?

– Я хочу верить, что меня сложнее поломать, чем простых людей. Но не думай, что меня это не коснулось. Нельзя потрогать грязь и не испачкаться. Даже если ты переживший с тысячелетней историей. Впрочем, история так себе.

– Так... что там происходит? Интриги? Это же центр культуры, науки...

– Школа там хорошая, не спорю. Но в первую очередь они учат, как быть *инорийцами*, – Васка с презрением выплюнула последнее слово. – Одним «интриги» сложно это всё описать.

– Значит, тебе не понравилось, и ты ушла?

– Ха-ха! Нет, разумеется! Как там может не понравиться? Не верю, что кто-то добровольно уходит из Инориума. Постельки слишком мягкие, пусть даже спать приходилось вполглаза. А я больше не там, потому что, возможно... я... не преуспела в их науке должным образом, вот так. Я не очень жалею.

– Тебя кто-то заставил уйти? Потому что ты...

– Пфф, нет. И да, и нет. Ну, они не совсем знали, кто я... представляешь, что бы началось. Мглорождённая в Светлой Башне.

– Нет, – честно признался Шанс.

– Да. Я тоже. Но мы бы тут с тобой не беседовали, это точно.

– Так что там?

Васка неудобно поёрзала на траве. Ей не хотелось копошить прошлое, но эта ночь уже заставила её многое рассказать. Ночью всегда так. Придётся выкладывать остальное.

Она вздохнула.

– Там было два мастера. *Мастера*, понимаешь. Уже достаточно, чтобы быть сверхсамодовольными индюками и пить кровь у всех подряд, но ещё недостаточно высоко. Им там

всем, в Инориуме, недостаточно высоко. Пусть остров и парит над облаками...

Так вот, этим мастерам непременно пришло в голову соревноваться за преимущество друг над другом. И я была ученицей одного из них. Единственный способ привлечь внимание и заработать хоть какое-то уважение – играть в их игру, вот я и подключилась. Впрочем, что я? Мне и самой это нравилось. Потому что у меня получалось. Мастер мне... ох, чуть не сказала «доверял». Это была бы грубая ошибка для Инориума. Ну, я была его лучшей ученицей. И мне выпала честь устранять соперника.

– И ты отказалась? Передумала?

– Да нет, я всё сделала правильно. Слишком великолепно, на мой взгляд. Я была частью игры, понимаешь? А по правилам я была одна – одна против всех. Поэтому, загубив одного врага, я отправилась уничтожить родного мастера. Он должен был попасть в расставленную им самим ловушку.

– И что случилось?

– Ну... план почти сработал. Я здорово всё просчитала. Пережившие вообще довольно талантливы в таких вещах. Но в последний момент мне помешали. Появился... неожиданный свидетель и всё мне разрушил. Да так, что пришлось убираться, пока милый учитель не узнал, какой подарочек я для него приготовила. А это внезапно появившееся добродетельное лицо, с ним я не могла ничего сделать. С ней. Воронья задница, почему она свалилась именно на меня? Не по-

везло по полной программе...

– Что же это за лицо такое страшное? И почему добродетельное? Ты же говоришь, что все...

– Неет, нет, она была чужачка. Пришлая, законопослушная, не знала правил игры и об играх ничего слышать не хотела. И, к тому же, она была *инквизитором*. Тогда-то я и познакомилась с ними. Прославленные борцы против чудовищ. Что ж, меня она точно могла бы сложить одним ударом. Знаешь, как прозвали её меч? «Касатка». У неё были улики. И она знала мою кровь. Всё. Мне хватило, чтобы свалить отсюда.

Шанс молчал. Васка кусала губы.

– Хей, Шанс.

– А?

– Ты мне задолжал историю.

– А...

– Почему ты пошёл за мной? Чего тебе так не сиделось в Собальте? Неужели тоже что-то прижало?

– Вовсе нет... моя жизнь скучнее твоей.

Они оба покосились на линию горизонта. Звёзды там уже таяли, небо чуть-чуть розовело.

– Дождались рассвета, – протянул сугнир.

– Ага. Можно спать. – Васка зевнула и поудобнее устроилась в пригретом травяном гнёздышке.

– Ты всегда дожидаясь рассвета, чтобы заснуть? – спросил сугнир.

– А ты внимательный.

– Да просто все эти дни...

– Ха-ха, я знаю. Да.

– Понятно...

Ночь подходила к концу. Васка ещё раз зевнула и поёрзала, слушая, как недалеко от неё шелестит сугнир.

– Эй, Васка.

– Мм-мм?

– Есть ещё одна причина, по которой народы так боятся переживших. Говорят, они всегда становятся разбойниками, бродягами и самыми отчаянными убийцами без жалости и сострадания.

– Не могу опровергнуть.

– Но ещё толкуют... говорят...

– Валяй, Шанс.

– ...что, несмотря ни на что, у переживших есть дар увлекать с собой человеческие души.

Васка задумалась.

– Я не знаю. За мной люди часто увязываются без причины. Вот взять тебя, например. Куда, ты надеешься, я тебя приведу?

Сугнир что-то хотел сказать, но посмотрел на стремительно розовеющее небо и замолк.

Ночь подошла к концу. Васка засыпала.

Нерумикон, день Утопшего месяца, 26

– Меняем курс? – почесал в затылке Шанс.

– Да. В Альсвадоре всё кишит легавыми, охотниками и прочими представителями различных субкультур.

– Я... вообще-то, я хотел запастись ингредиентами в гильдии алхимиков, но, наверное, могу найти их представителей и в пригородах столицы...

Васка задумалась.

– Можем зайти в Тридукан, хотя это заставит сделать крюк...

Уши Шанса в ужасе подпрыгнули.

– Тридукан! Самый дальний из пригородов Альсвадора! Обитель наёмников и бандитов и... ох, ладно.

Он явно уже настроился на Альсвадор, столицу континента, полную золотой листвы и каменных дворцов. Возможно, дело даже не в зельях. Васка уже множество раз проходила через красивейший город Нерины, и ей легко было пожертвовать осмотром достопримечательностей.

– Куда же мы идём теперь? – послушно приподнял уши Шанс.

– В Миневу.

– Это же другой конец Нерины!

– Да, должно быть весело, – усмехнулась Васка, оглянувшись на спутника и нахмурилась. Она привыкла к беспреко-

словному подчинению её планам тех, кто с ней путешествует. В конце концов, она никого никогда с собой не тянет.

Но Шанс, хотя и старался выглядеть бодро и напевал под нос: «Мине-ева-Минева-а, нефрит и синева-а...», смотрелся довольно поникшим.

«Вряд ли он привык к путешествиям такого масштаба», – вздохнула Васка. На мгновение ей показалось жестоким тащить Шанса через весь континент до Минева, лишив возможности хорошо отдохнуть.

– Эмм, мы можем остановиться в Тридукане на несколько дней, – наконец произнесла она, скрепя сердце. Шанс вздохнул, но повеселел ненамного.

«Он и за это должен быть благодарен, – закусила губу Васка. – Я вообще не хочу туда идти!»

Постулаты для обучения экзорцистов

- *Чтобы изгонять зло из мира, я приручу зло в себе. Чтобы приручить зло, я признаю, что зло есть во мне. Мои страсти всегда под контролем. Сила – ничто без верного направления.*
- *Рассвет наступит, если я не буду его ждать.*
- *Моя жизнь – не просто очередное звено в цепи перерождения. В моих силах каждый день наполнить смыслом.*
- *Умирая, мы понимаем законы жизни. Сражаясь, мы очищаем мир. Мрак в наших душах нужен, чтобы видеть сквозь тьму.*
- *Никакая энергия не даст того, чего уже нет внутри меня. Поняв себя, я могу извлекать силы из неочевидного.*
- *Сфера Жизни включает в себя Инориум, Нерину, Сахасал и Нижний мир. Всё лишнее, чужое, горит за её пределами. Так же и я отброшу всё ненужное для меня за свой круг.*
- *Тело и дух – два лезвия одного клинка. Когда яд покинет тело и разум, железо обратится в золото, и волосы навсегда*

гда побелеют.

Катакион, ночь месяца Жатвы, 1

Здесь надо быть осторожнее. Мокрый песок – это хорошо. Это прекрасно. Это основной источник воды в Сахасале. Но мокрый песок – также и зыбучий песок. Очень часто.

Хьюго поправил алый шарф, закрывающий светло-серые губы. Шарф был мокрый от пота, но именно поэтому снимать его было нельзя. Хьюго умел ценить каждую каплю влаги.

«Если где-то в другом мире кто-то использует слишком много воды, то именно на Сахасале гармония отыгрывается за потери», – говорят здесь, и сильфид уже начал сомневаться, шутка ли это изречение.

Слева высилось несколько тёмно-красных булыжников. Поставив рюкзак, Хьюго начал методично натягивать среди них верёвки и одеяла. Он спешил создать убежище, пока не взошло солнце и воздух не стал душным и горячим. Кто-то шутил, что солнце в это время года нужно называть «морозным». Что угодно, но мороза в первый день весны Хьюго не ощущал. Ему вообще никогда не было холодно, даже ночью в пустыне. Не было холодно с тех пор, как он перебрался в сей жаркий край, где только красная земля и рыжие пески, а воды нет.

Убедившись в плотности земли вокруг убежища, Хьюго растянулся под навесом и прикрыл глаза.

Гармония Сахасала открывалась тому, кто принимал его хаос. И чем хаотичнее ты сам, тем легче. Да, здесь многое подчинялось ритму солнца, но далеко не всё. Сахасал, противно тому, что о нём часто думали, это не только пески. Это целая система гор, каньонов и скальных тоннелей, каменных долин с кипящей внутри жизнью. Местные жители различных рас с закалёнными сердцами и угнетёнными, но всё ещё кипящими душами. И подчас очень удивительной фауной. Когда человек только попадал сюда, он неизбежно сталкивался с полной встряской своего ритма жизни. Днём пылает убивающее солнце, а ночью просыпаются хищники – и их добыча, которая подчас не менее опасна. И как долго вы сможете продержаться на катаки – алхимически очищенном соке рыжих кактусов, капля которого заменяет организму целую флягу воды? Катаки даёт выжить, но не отменяет измождения. Душа и тело одинаково твердеют в Сахасале. И речь ещё даже не заходила о головорезах и лордах Торговой Гильдии, наводняющих весь континент. Каждую ночь они, подобно зверям, вылезают из многочисленных пещер и возобновляют вечную войну за господство над многочисленными рудниками. Поэтому, несмотря на жар, подобный самому Внешнему пламени, Хьюго предпочитал путешествовать днём, когда все песчаные акулы спали.

Местные жители звали его миссионером, и Хьюго никогда не отказывался от этого звания. Хотя что могло быть глупее, чем рассказывать сильфийские учения про белого Лунного

бога в Сахасале? Месте, где из-за ржавой пыли луна всегда видилась красной. «Хьюго Герико – миссионер», – ухмыльнулся Хьюго. Многие бы удивились. Но со школами и книгами на этом материке последние шесть сотен лет дела обстояли очень плохо. На что рудокопам такие вещи? Но они с удовольствием платили за рассказы Хьюго и за время, проведённое с их детьми. Особенно все любили сказки про то, чего не могли увидеть. Красные львы в Сахасале водились в избытке. А белой луны и снежных зверей они не видели. К тому же, рассказы про живых богов всегда приносили надежду. Хьюго любил жизнь. Поэтому про Льва и Хозяйку Светлой Башни он очень редко рассказывал.

Даже сквозь завесу мыслей Хьюго продолжал следить за шуршанием песков. И над песками. Скалы, которые он облюбовал, облепляла жёлтоватая растительность. А где намёк на еду, там и желающие полакомиться. Разумеется.

Хьюго сжал короткоствольное нерумное ружьё, покоящееся под складками дорожного плаща. Он устал и не хотел отгонять зверей. Но пусть только какая-нибудь рептилия сунется к его рюкзаку, он устроит здесь миссионерство.

Шуршание прокралось мимо. «Тебе же лучше», – подумал Хьюго и, дотянувшись до рюкзака, заглянул в один из накладных карманов.

Коробочка с нерумом – привет из Нерины, охотничий нож, горстка нерумных патронов, маленькая бутылочка ка-таки. Четыре дорожных хлебца.

Не пир, конечно, но сегодня можно было позволить себе ужин.

Нерумикон, день месяца Жатвы, 1

«Вот и осень», – подумала Васка, протягивая руку к золотому листу. В предместьях Альсвадора растут знаменитые пигмы, их наряд такого цвета всегда. Но скоро и другие деревья окрасятся в жёлтый и рыжий...

– Осторожно, – шепнула она оглядывающемуся сугниру. – В Тридукане охотников тоже много...

Не так давно она была всего лишь свободной путешественницей, прихватившей спутника. И вот теперь – они словно беглые преступники, ныкающие от властей. Всю жизнь Васка называла это «предосторожностью», но рядом с Шансом она чувствовала себя почти виновной. Всё из-за лучезарной ауры покорности и добродетели вокруг парня. Знала бы, ни за что не взяла бы с собой...

Шанс так и стоял столбом на площади, разве что рот не разинув, шевелил ушами в быстром темпе и разглядывал высокие серокаменные дома и золотые деревья.

– А что ты хочешь, мы рядом со столицей Нерины. Если верить историям, весь континент когда-то был таким. И Сахасал тоже.

– Пигмы в наших лесах тоже растут, конечно... но не такого чистого цвета. И редко – в таком количестве...

– Всё, хватит, нагляделся, – потеряла терпение Васка. – Пошли искать пристанище.

– Нас кто-то может заметить? – Шанс постарался быть серьёзным.

– Нет, просто бесишь уже, – Васка слегка хлопнула напарника по плечу и повела в сторону гостиницы. Только краем глаза она позволила себе наблюдать за тенью, почти слившейся с дальней стеной.

«Гореть мне за Сферой! Этот взгляд мне знаком», – с досадой размышляла она.

Они прошли на задний двор гостиницы и тут уже Васке пришлось застыть с открытым ртом.

– Г-г-г... грифон! – выдохнула она, стараясь не замечать, как всё внутри встрепенулось и откликнулось воспоминаниями. – Настоящий грифон!

Грифон застал её врасплох.

Животное стояло у стойла, его пернатый бок тёрся о перегородку. Массивный клюв стучал по косточкам, разбросанным на земле. Коричневые перья давно потускнели, и вид у зверя был совершенно неухоженный. Ноги были коротковаты, да и крылья не поражали размерами. Старое, вредное существо, отметила Васка, но даже после этого не смогла сдержать порыва восхищения. Беспородистый, несчастный, ухайдоканный... но всё-таки! Грифон!

Её восхищенный вид привлёк внимание стремянного.

– Давай, иди отсюда, – раздувшись, кинул он с лавки. – Грифонов не видела?

– Видела, – призналась Васка. – Много.

Но давно...

Без страха приблизившись к животному, она забытым движением коснулась жестких жирноватых перьев на шее. Грифон шарахнулся от неё, злобно сверкнув черными глазами. Из его горла вырвался короткий клокочущий рык. Львиная лапа наступила на кости.

– Эй! Отойди от него! Порвёт, мне с тобой потом нянчиться...

Шанс топтался у дальней стены, с любопытством глядя на происходящее. Его уши мгновенно отреагировали.

– Мы уже уходим, честно. Никто не хочет сердить грифона...

– Ха! Этот-то порвёт? Меня? – разгорячилась Васка. Она ещё раз с восторгом оглядела недовольное животное, но всё-таки отошла. – Послушай-ка, а тебе не нужна помощь? Я как раз могу...

– Иди уже, не то хозяина позову, – потерял терпение стрелянной. Он привстал с лавки и подошел к подопечному, ревниво поправляя ремни. – С вас, зевак, уже деньги брать можно! Разбогатею...

Васка сверкнула глазами и пошла прочь. Она немного злилась, но чувствовала и предательскую дрожь, словно прикоснулась к кусочку своей души. Грифоны! Вот кто должен её сопровождать. Без сильного и надёжного зверя какой воин...

– Они жили в Инориуме, – обрывисто пояснила она недоуменно глядящему Шансу. – На ком же ещё ездить живущим в облаках? Ох, ты бы видел... Два грифона когтями возьмут паланкин... все в драгоценной сбруе... Я и подумать не могла, что так буду скучать по ним.

Она покачала головой и замолчала.

Нерумикон, месяц Жатвы, 2

Полуденный свет заливал комнатку таверны. Васка сладко потянулась и поднялась на подушке, щурясь от ласкового солнца.

– Ты опять всю ночь ждала рассвета? – раздался голос Шанса за спиной.

– Воа! Не ожидала, что ты тут, – девушка покосилась на соседнюю кровать, где восседал сугнир. Судя по сильному запаху трав, он успел уже не только проснуться, но и похимичить.

– Эмм... мы в одной комнате, помнишь? Потому что у нас...

– Помню-помню, не напоминай! – отмахнулась Васка. Шум в голове вернулся и сжимал виски. – У нас недостаточно денег.

Пфф. Серьёзно, если они хотят остановиться в Тридукане, им нужны средства на жизнь. Впрочем... большое поселение – большие возможности, верно? Не может быть, чтобы среди стольких людей хоть кто-то не хотел бы кого-то убить.

Она глянула в окно. Отсюда была видна площадь и закоулок, где она вчера видела подозрительную тень. Сейчас в нём было светло и пусто. Крики детей и лай собак нарушали тишину, да и только.

Воздух на улице был ещё по-летнему горячий. Жители занимались каждый своим делом – что-то носили, чинили, продавали. Рядом с рынком кричала девица, расхваливая сыр. Откуда-то пахло хлебом и жареным мясом. Мелкие лавочники поглядывали на Васку в сомнениях, стоит ли пытаться продать ей цветные ленты с бусами. Она улыбалась и шла мимо. Её собственный взгляд сосредоточенно перебирал прохожих в толпе. Повязка с белым крестом монстроборца обтягивала плечо. А вокруг другого плеча – чёрная похоронная ленточка – знак, что зубристый меч может выполнять и менее благородную работу. И Васка вроде как ходила по самым людным местам, ходила медленно, позволяя себя увидеть. Но в то же время ясно чувствовала, что не по душе ей вот так быть на виду. Словно каждый зевака был способен узнать её. Понять, кто она.

– Разойди-и-ись! – прокричал голос, и мимо Васки прогремела телега, груженная лесом. Не успела Васка вернуться на мостовую, как вдруг что-то – вернее, кто-то, – её атаковал.

Сзади и сверху. Васка упала на колени. Перекатилась, вскочила на ноги. Зубристый меч обнажился, девушка развернулась к противнику. Тот не дал себя рассмотреть. Мелькнуло что-то яркое. Сбоку, слишком близко, возник кинжал. Васка заблокировала с шагом назад, затем отскочила, уходя от второго клинка. Что-то жуткое заиграло в её крови. В короткой передышке она заметила, как часто дышит, как рвётся тёмной песней её сердце. Как губы разъезжаются

в дурной улыбке. Нет, здесь не только азарт битвы.

Что-то ещё, почему?..

Вместо ответа волна вечного шума перебила её мысли. Боль сдавила виски, заставив Васку заскрежетать зубами. Потом волна стихла, и осталась ясность. С радостным криком Васка перешла в нападение. Меч разрубал воздух широкими взмахами. Её учили не оставлять свободной руку, а использовать для щита или второго оружия. Но у Васки были свои предположения на этот счёт. И она успела разглядеть противника.

Противницу. Сугнирку. С объёмной волной рыжих волос, кручёными треугольными рогами и гонцовски быстрым стилем. Васка в ярости наносила косые удары вокруг. Девчонка уклонялась как пантера. Пляска становилась бешеной. Сердце билось всё быстрее в жадном восторге. И сквозь дикий темп, опаснейшие лезвия и череду ударов, Васка пыталась думать. Потому что для победы надо успевать подумать.

Одежда у противницы была не походная. Она не могла Васку выслеживать, не была разведчицей или охотником. Стилль – скорость и изматывание, кинжалы, слишком низко для представителя власти. И что она делает? Много ударов, но они скорее пугают и путают, чем могут задеть цель васкиного уровня. Скорее всего, у неё припасено что-то ещё. Морок? Возможно...

Васка в очередной раз уклонилась и взмахнула мечом, с недовольством осознав, что она ещё ни разу не попала.

Быстра, мерзавка.

Сугнирка притормозила. И принялась колдовать.

«Ну конечно! Морок, как и думала.»

Алый туман пополз от серо-сиреневых рук, на которых за-светился багровый узор вен. Кинжалы запылали кровавым светом, а часть морока устремилась к Васке.

«Кабы не так!» – Васка выбросила вперёд левую руку. Заискрился золотой фейерверк и с шипением развеял крова-вый морок.

– Т-ты владеешь Искрой... – огорошено прошептала сугнирка, но Васка не дала ей закончить. Широкий взмах искривлённого зубристого лезвия почти задел плечо рыжей, второй заставил её далеко отпрыгнуть, а третий натолкнулся на устойчивый блок из кинжалов.

В этот момент, когда обе смотрели друг другу в глаза, раз-дался крик.

– Остановитесь, мара! Умоляю, простите меня! Ради свя-тых Льва, Лиса и Хозяйки, не режьте *экзорциста!*..

Горожанин вопил на краю улицы, в панике смяв шляпу. Васка изумленно глядела на него. Вокруг уже собралась тол-па людей, с волнением и вздохами наблюдавших за битвой. Все поддерживали паникёра, но не решались вмешаться. На-павшая замешалась, смущённо оглядывалась, и явно, по-добно Васке, не чувствовала желания продолжать поединок. Недоверчиво переглянувшись, девушки расцепили клинки и отскочили друг от друга. Только тогда Васка заметила, с ка-

кой силой ей приходилось давить на оружие, чтобы удержать блок.

Она переступила с ноги на ногу, гадая, разбито ли колено. Старая, но недавно зашитая и отстиранная дорожная одежда за одну драку пропиталась потом и пылью, волосы по-звериному растрепались. Сугнирка же, несмотря на разбойничий стиль боя, выглядела очень солидно в шёлковой одежде и строгом плаще с двумя хвостами. И осанкой, как у герцогини.

Кричащий человек с ужасом взирал на обеих.

– Мара инквизитор, я ошибся, когда вам её показал. Хозяйкой Светлой башни клянусь, я спутал её с обычной пережившей! Как я подумать мог, что, мара, *вы – экзорцист!* – последняя фраза уже обращалась к Васке, которая изумлялась всё больше. Она мельком взглянула на отряд широких мундиров у крикуна за спиной и содрогнулась. Обычно, увидев её сущность, они бы не замедлили напасть. Хотя наверняка с ними всеми было бы легче управиться, чем с этой несносной инквизиторшей...

«Конечно, – мрачно подумала Васка, косясь на сугнирку. – Безумны и смертоносны. Инквизиторы».

– Я жестоко ошибся, вы так скромно одеты... и я совсем не заметил креста на плече... святой Лис, разве можно его так прятать? – лжец, подумала Васка. Лжец и мерзавец. – Но только бойцы высшей школы могут пользоваться Искрой! Потому вы, несомненно, экзорцист, поэтому про-

стите меня, что привёл сюда инквизитора!..

– Так, ну... инцидент исчерпан, я надеюсь? – командным голосом перебила Васка. Все вокруг были в смятении, и Васка любила такие моменты. Потому что в эту секунду достаточно лишь уверенного вида, чтобы захватить контроль над ситуацией. Лис знает, что именно происходит, но пока вроде угроза идёт на спад.

– Эммм... ты прощён. Возвращайся к тому, что делал. И уведи уже этих, – она нервно кивнула охранникам.

Поняв, что драки больше не будет, горожане начали разбредаться. Васка и сугнирка всё ещё стояли с оружием наголо, глядя друг на друга.

Инквизиторша первая убрала кинжалы и приняла внезапно мирный вид.

– Приветствую, экзорцист, – она склонилась в небольшом поклоне и очень быстро, рывком выпрямилась. – Меня зовут Иэра. Донесли, что вы мглорождённая, а я почувствовала кровь Древнего Зла и... – она осеклась, вероятно, размышляя, насколько социально уместно звучит «Древнее Зло». Васка смотрела на неё, как на забавный аттракцион.

– Почему меня называют экзорцистом? Что это за слово такое?

– Что? Так... Так ты не из *Дома Экзорцистов*? – отшатнулась Иэра. – Но твоя кровь... а, ясно, – она сдвинула брови. – Всё-таки ты одна из бродячих переживших.

Васка нахмурилась. Она начинала злиться.

– Я бы предпочла услышать извинение за атаку, – теперь ей захотелось вывести из себя инквизиторшу. – Или мой меч потребует, если ты способна только себя слушать.

– Что ж, – пренебрежительно повела плечом сугнирка. – Я вообще-то должна была понять, что экзорцисты дерутся лучше... Так что извини, что спутала тебя с одним из рекрутов. Ну и за атаку.

Инквизиторы. Даже когда они видят, что напали на разумного человека, всё равно уверены в своей правоте. Ведь инквизиторы никогда не ошибаются. И они никогда не покажут, что рассержены. Фыркнув, Васка убрала меч.

– Больно надо. Наверняка это очередное марионеточное шоу от Инориума, которому инквизиторские собачки вроде тебя уже наскучили. Я пропущу цирк, спасибо.

– Собачки?! Да единственная бродячая дворняга здесь – это ты! Ты даже *не знаешь*, что существует Дом Экзорцистов, какое ты имеешь право судить? Ты просто мусор, летающий по обочинам Сферы Жизни и умножающий с каждым перерождением свои грехи, – вопреки ожиданиям, сугнирка изумительно легко разошлась и двинулась на Васку, сверкая синими глазами. Редкость для сугниров, такой насыщенный тёмно-синий цвет. Васка хмуро сделала шаг навстречу. – Дом Экзорцистов специально был создан тьморождёнными, потому что ни один инквизитор не может *так* сражаться с Древним Внешним Злом! Никто больше его не понимает!.. Если хоть кто-то из переживших пытается жить прилично

и действительно побороть эту заразу, то ты... такие, как ты, просто позорят всех нас!

«Всех нас?»

Васка с хищной усмешкой закусила губу и большими, полными злого восторга глазами смотрела на противницу. Вот оно что. Вот откуда это ощущение. Вот оно, оказывается, как выглядит. Вот, отчего так пела кровь и рвалось сердце, и вся её мглорождённая сущность приветствовала бой с Иэрой.

Такая же.

– Ха-ха-ха, да чтобы мне в ишака в следующий раз переродиться! Так ты тоже Древнее Зло? – в упоении воскликнула Васка. Проходящий мимо мужчина нервно оглянулся и ускорил шаг. – И тебя взяли в Инквизицию? Как неразборчиво. Интересно, в уставе сказано, что ты должна кидаться сама на себя? Со спины, желательно, – подчеркнула она – коленка до сих пор ныла от знакомства с землёй.

– Заткнись, – оскалилась девушка, но пыла в её голосе было поменьше. Временно, подумала Васка. – Я иду в Альсвадор, чтобы примкнуть к экзорцистам, искупить древний грех. И навсегда стереть дурное клеймо со своего имени!

– Что ж, отлично. Мои соболезнования Дому. Одной сумасшедшей будет больше в священных рядах.

Перепалка приелась Васке. Она выместила раздражение, пора было завязывать и заняться делом. Точно, у неё ведь было дело. Дерьмо була, как этой девке удалось украсть у неё столько времени?..

– Удачи подлизаться к обществу тебе и твоим будущим друзьям из Дома. Клеймо вы, конечно, никакое не ототрёте, но можете попытаться стать смиренными, – кинула она, разворачиваясь.

– Лучше смирной, чем дорожной падальщицей, – пальнула в ответ Иэра.

Васка резко обернулась – и дала повод ухмылке расцвести на тёмных сугнирских губах. Платиновые клычки и синий огонь глаз смеялись над ней. Поколебавшись, Васка заставила себя смолчать.

И быстро зашагала прочь.

«Что это была за идиотская сцена, Разлом мне в кочерыжку?..»

Она быстро топала по улицам, в ярости толкая прохожих. Ей хотелось вернуться и набить лицо самодовольной выскочке, и только ли потому, что она назвала её дорожной падальщицей? Мерзко, но... правдиво, в общем. Васка поправила чёрную ленточку на руке. Её глаза сузились, вскипятились, стали такими, какими их никогда не видел Шанс или кто-либо из тех, кому Васка пыталась понравиться. Сейчас они отражали тьму внутри. От которой не спрятаться, не убрать её никуда. Не поставить на полочку, заменив сверкающим наплечником с эмблемой какого-нибудь ордена и огромной звездой «я экзорцист».

Да кому вообще придёт в голову давать красивые титулы пережившим?

Пережившим?..

Из всех людей?.. Разве можно забыть, что они сделали?..

Откуда они появились с этой мглой в душе?

И разве все тьмородившиеся не становятся, просто следуя своей натуре, бандитами и изошрёнными убийцами? Преступниками и обманщиками, вечными врагами прочих рас?.. Пережившие обладают талантом делать ужасные вещи. И используют его, чтобы мстить людям за ненависть к себе, которой люди, в свою очередь, мстят пережившим за события огромной давности...

Пережившие и Древнее Зло – это синонимы. Не сугниры, похожие на монстров из-за рогов и тёмной кожи, не сильфиды, их более элегантные серокожие собратья, в жестокости порой превосходящие любую расу. Пережившие. Мгложные. Тьмородившиеся.

И на это есть причины, Гонец их задеря.

Среди которых не только Пролом Сферы восемь веков назад. Достаточно заглянуть в собственную, изношенную, огрубевшую душу, чтобы понять правду. Пережившим нельзя доверять, им нельзя поручать ничьё спасение. Даже во имя искупления. Они всегда сами за себя.

Васка представила, как сдавшиеся в щупальца религиозного страдания пёсики-экзорцисты стоят на коленках, а какой-нибудь толстый жрец из Инориума зачитывает им лекцию о всепрощении. И с отвращением поморщилась. Да нет, не будет этого. Переживший – это волк, который всегда бу-

дет волком, что ты с ним не сделай. Каждый из них. Они рождаются и умирают волками. Рождаются и умирают. Они не ладят даже друг с другом.

В размышлениях Васка дошла до таверны. Она осознала, как сильно хочет пить. И напиться. И сграбастать в ленивом дурмане какого-нибудь простачка-симпатягу, и заставить его восхищаться собой. Заставить признать.

– Эй, девушка! – окликнули её, стоило лишь войти. – Не хочешь поболтать? Я угощаю!

Этот голос был совершенно не таков, каким обычно проносились подобные фразы. Слишком твёрдый. Слишком деловой. Васка обернулась.

У столика в полутени сидел дорого одетый тучный мужчина. Взгляд у него был хитрый. Но он смотрел не в лицо Васке, и не на её поджарое тело. Даже не на грудь. Он смотрел на оружие. Разозлённая стычкой, Васка повесила его на виду, как предостережение для скучающих или нервных.

– Отлично, – пожав плечами, она села за столик. – От браги не откажусь. Только без нерума.

Мужчина улыбнулся и налил ей из кувшина тёмной жидкости. Васка внимательно разглядывала его. Одет как купец. Расшитый халат, странная конусообразная шапка, которые так любят гильдейские... неужели работу подкинет?

– Слабая сторона вашей личности, – промурлыкал он. – Личности, несомненно, полной талантов.

«Прекрасно, теперь весь Тридукан знает, кто я такая», –

Васка мысленно выругалась.

– И кому же приглянулись мои таланты?

– Я как раз хотел представиться, – купец поднял голову и загадочно блеснул пожелтевшим глазом. – Сайрок Зуо, Торговая Гильдия Срединных миров.

«Срединных миров? Это Нерина и Сахасал, два континента... хорошая у них должна быть работка...»

– Вы очень эффектно сражались. Не каждый день встретишь путешественника, способного составить конкуренцию инквизитору, да... Я бы хотел иметь на своей стороне такую силу. Скажите, вы смогли бы её убить?

Васка подняла бровь. Инквизиторы явно поджимали не её одну.

– Так что за задание? Уже убиваем кого-то?

– Вообще-то, нам нужен хороший боец для долгосрочной работы, – ответил купец. – Кто-то, кому мы сможем доверять, кто не умрёт через месяц и так далее. Нет ничего хорошего в постоянной смене... лиц.

– И, если я соглашусь работать, я должна быть под рукой постоянно, – заключила Васка. – Я не смогу уйти из города, допустим... или вступить в какой-нибудь Экзорцистский Дом?

Грифонье дерьмо, как это слетело с языка? Откуда это предположение взялось вообще?

– Нет, ни в коем случае, – покачал головой Сайрок Зуо. – Нам нужны постоянные люди.

Отлично. Это лучше, чем бродить в неизвестном направлении. Но куда девать Шанса? Ах, сугнир всё равно рвался остаться в городе. Такая работа вообще предполагает путешествия, но компанию, Васка чувствовала, ей не дадут выбирать. Ну, хоть платить будут. Возможно, она даже сможет где-то жить. Недолго. Время от времени.

– Я подумаю, спасибо... я же могу подумать? – с тревогой спросила она.

Сайрок пожал плечами.

– Разыщите меня в Альсвадоре, в приёмной Гильдии, если решитесь. Я вечером отправляюсь в столицу.

Васка следила взглядом, как тучный купец поднимается, его руки в перстнях вытряхивают крошки из складок халата. Марр Зуо расплатился крупной монетой, кивнул Васке и вышел. Сама Васка осталась с недопитым кувшином и кружкой, почти нетронутой, в которую она теперь задумчиво вцепилась зубами.

Она размышляла.

Катакион, день месяца Жатвы, 2

– Сахасал... охо-хо, Сахасал... Этот красный кусок камня живее, чем можно подумать из Нерины! – восклицал какой-то пыжистый, судя по одежде – наёмник. – Здесь кого только не встретишь! Раньше, говорят, только люди жили, а теперь глянь – и люди, и сугниры, и... о, сильф!

– Сильфид, вообще-то, – колко улыбнувшись, Хьюго поспешил отвернуться к стойке бара.

– Сильфид, глядите-ка! – не унимался мужик. Хьюго тревожно следил за ним, прикидывая, можно ли ещё улизнуть через главный вход.

– Хей, это же Хью-миссионер, – похлопал наёмника по плечу один из посетителей. – Оставь друга в покое.

Наёмник утихомирился, правда нехотя. Хьюго с облегчением вздохнул и развернулся к стойке.

О комфорте можно было забыть – интересующиеся взгляды со всех сторон сыпались, хоть он и делал вид, что не замечал их.

Проглотив залпом остатки зелья, Хьюго поспешил ретироваться, попутно натягивая на лицо шарф. Лучше держаться подальше от таверны в этом диком посёлочке, где нет ни охраны, ни друзей. И кто ещё тот тип, узнавший его и даже назвавший по имени?

«Становлюсь популярен, не иначе», – заключил Хьюго

с тревогой и, быстро оглядевшись по сторонам, направился через посёлок.

Круглые маленькие домики из красной глины, обожжённые вечно палящим солнцем, окружали его со всех сторон и были единственным типом построек в округе. Но как бы ни был уныл этот пейзаж, ещё печальнее была перспектива пускаться в долгий путь с единственной бутылочкой катаки.

«Придётся жевать кактусы, – грустно размышлял Хьюго. – Среди пустынного зверья на них вообще-то конкуренция. А ещё они вызывают галлюцинации, а я не мглородившийся, способный им противостоять.»

Солнце светило у самого горизонта. Уставившись на него, Хьюго постоял немного в размышлениях, а затем продолжил путь к окраине городка.

В Сахасале практически не было монстров. Что странно, ведь континент находился ниже Нерины. А там хоть серпом коси этих «Ит Ахра», как называли их в Нижнем мире. На языке серокожих это значило «Пришедшие из Пламени». И серокожие Нижнего мира имели полное право, считал Хьюго, давать названия порождениям Бездны.

Видимо, Сахасал был слишком суров даже для чудовищ из Внешнего Огня. Привлеченные этим, сюда стекались жители из Родиана. Зря.

Быстро темнело. Небо догорало, из кроваво-коричневого стремительно становясь глубоким чернильно-синим. Нигде зато, совершенно нигде нельзя увидеть такого широкого,

глубокого, завораживающе бриллиантового неба. Где-то там была и его собственная счастливая звезда, но сейчас она ещё не зажглась в прозрачной дали. Казалось, если долго смотреть, можно дойти взглядом до верхней границы Сферы – мимо облаков, мимо краснорудных гор, мимо самого Инориума... Увидеть сказочные Звёздные Палаты, куда отправляются все благородные души. И что-то ещё, кроме этого, какую-то возвышенную, удивительную тайну.

Хьюго покачал головой, разминая затёкшую шею. Если стоять посередине пустыни с закинутой к небу головой, звёздные дворцы и правда можно увидеть очень быстро. Нужно установить палатку в безопасном месте, да ложится спать. И лучше сделать это, пока не померк свет. А то рискуешь, проснувшись, узнать, что разбил лагерь посреди бандитского поселения.

«Но единственная бутылочка катаки...»

Хьюго вспомнил, что в паре вёрст отсюда когда-то жил знакомый интендант. Он снабжал местных наёмников наркотой и припасами, но Герико с ним познакомился в исключительно невинном контексте. Он тогда ещё только начинал рассказывать сказки, и выходило плохо, но старик Джохан всё равно согласился укрыть его от головорезов Торговой Гильдии...

Если Джохан ещё ведёт дела с бандитами, его можно будет найти только ночью. Днём они умеют прятаться. Хьюго зевнул. Сильфиды обычно засыпают с закатом, бродить по но-

чам не в их натуре. Но он побрёл.

Темнота опускалась, и вскоре показалась знаменитая кровавая луна Сахасала. Она светила ярче звёзд, ярче даже огней посёлка сзади, и ненадолго погасшие пески в её лучах снова горели алым. А небо теперь казалось густым и фиолетовым.

Казалось, пустыня звенела. Пришелец мог пожаловаться на вечную тишину вокруг, но для испытанного уха пески никогда не молчали. Сейчас они потихоньку просыпались от дневного жара, вылезали ящерики и скорпионы, песчаные лисички и некоторые крупные твари поопаснее. Хьюго набрёл на череду невысоких скал и старался держаться вдоль них, не позволяя уж слишком очевидно выделяться своему силуэту.

В конце концов под его ногами возник неширокий каньон. Хьюго остановился, снял перчатку и начал мягко ощупывать камни вокруг себя. В том месте, где природная острота гранита вдруг становилась гладкой, полагалось и ему ухватиться за выступ. Податься вперёд, переставить ногу, потихоньку находя правильный спуск по крутой стене. Рюкзак мешался и цеплялся за что попало, но оставить его было нельзя. Если не хочешь попасть в идиотскую ситуацию, то даже в центре пустоши стоит исходить из предположения, что рядом может кто-то бродить.

Беззвучно посылая молитвы Звёздному Лису, Хьюго потихоньку преодолевал крутой спуск. Другой бы на его ме-

сте ругался, проклиная хитроумие тех, кто додумался проложить такую крутую тропу. Но Хьюго шёл терпеливо и мягко, слушал подсказки камней и мысленно упрасивал скалу, чтобы она его не скинула. Наконец он смог спрыгнуть на твёрдое дно каньона.

Место выглядело, как давно пересохшее русло маленькой речки. Интересно, могло ли это быть так? Водоёмы исчезли из Сахасала слишком давно, чтобы сказать точно.

– Куда дальше?.. Вспоминай же, Хьюго, – пробормотал он под нос.

– Хьюго? – раздалось за спиной сильфида раньше, чем он смог оглядеться. – Неринский Охотник?!

Хьюго вздрогнул, мысленно выругался – и обернулся. Звёзды теперь были слишком далеко, чтобы осветить дно каменной расщелины, но красноватое сияние луны отражалось от стен. Только у Хьюго глаза ещё не привыкли, чтобы видеть в таком слабом свете.

– Так это ты или нет? Хьюго Герико же вроде достали. – Глухой голос казался слишком громким, хотя невидимый человек едва напрягал гортань.

Достали, это верно сказано.

– Кто спрашивает?

Силуэт поколебался, но остался во тьме. Хьюго выругался ещё раз и незаметно потянулся за ножом. Ружьё висело на спине – а это то же самое, если бы его и не было.

– Если ты жив, тебя бы забрали Исфирата, – несмотря

на осиплость, Хьюго всё больше казалось, что голос совсем молодой. С каждым предложением он дрожал чуть больше, как если бы говорящий приходил в сильное волнение.

– Кровавая Бездна, кто это ещё такие? Да покажись ты уже! – Зная, что нож крепко сидит в руке, Хьюго неожиданно резво подался вперёд, в тень к собеседнику.

Его руки зачерпнули пустоту и холодный ветер ночи. Там, где только что вещал излишне громкий, шершаво-острый голос, там, где виднелся тёмный силуэт непонятной расы – теперь только летал песок и сверкал зернистый гранит под кровавым светом ночной пустыни.

Хьюго обернулся во все стороны, покрутил головой, замер, прислушаваясь. Он изо всех сил вглядывался, ошупывая взглядом стены и выступы каньона. Повернулся спиной к стене, избегая неожиданного нападения. Он стоял так, не шевелясь, с четверть часа. И ни один звук больше не разорвал ночной воздух.

«Привиделось мне, что ли?» – Хьюго прекрасно знал, что нет. Зудящее беспокойство лишь нарастало с каждой минутой. Он бы предпочёл нападение, быструю схватку. Теперь ему хотелось уйти отсюда, и быстро.

Не решаясь снова иметь дело с опасной тропой, Хьюго зашагал по руслу ущелья. Он был настолько напряжен, что шаги помимо воли получались заглушенными.

За темнотой раздался лай.

Хьюго перевёл дух. Собака, которая преследует, лает ина-

че. У него когда-то была гончая. А этот лай значил, что кто-то зашёл на пёсью территорию. Теперь Хьюго припомнил, что два с половиной года назад в гостях у Джохана он гладил огромного мастифа. Вероятно, старик и пёс ещё живы...

– Эй, кто идёт? – Громкий, но гораздо более приятный голос пророкотал из-за поворота каньона, и Хьюго вздохнул с облегчением. Сейчас он снова станет добрым Хьюго, безопасным неуклюжим Хьюго, Хьюго-сказочником и миссионером. Можно будет не приглушать шаги.

Но прежде чем открыто выйти в звёздно-лунный свет, сильфид послал один тревожный взгляд через плечо. Там тёмной змейкой тянулось кривое дно каньона под такой же извивающейся полосой неба. И больше ничего не было видно.

Нерумикон, месяц Жатвы, ночь 2—3

Васка вошла в комнату. Шанса не было.

«Где это он пропадает? – изумилась она. – Уж не в беду ли попал?»

Она зажгла свечу и забралась на кровать, разложив свёрток с дорожными хлебцами. Её фляга почти опустела, к большому Васкиному сожалению: местная вода обладала привкусом металла и пигмового сока. На любителя.

Через какое-то время показался и Шанс. Он прибрёл поникший, усталый и совершенно растерянный. Но Васка была рада его видеть.

– Хей, – окликнула она.

– Привет, – пошевелив ушами, ответил Шанс. И Васка сразу почувствовала, что за этим «привет» последует что-то более веское. Что-то, что ей совершенно не понравится. Сугнир ничего не умел скрывать. Но он и не говорил. Пауза тянулась.

– У меня был весёлый день, – усмехнулась Васка.

– Да, о вашей стычке уже говорят вовсю. «Экзорцист и инквизитор» ... да только вот ты не экзорцист.

Шанс, которого Васка знала, никогда бы не произнёс бы последнюю фразу с серьёзным, а не комичным, лицом. Однако именно это он и сделал.

– Да, пока, во всяком случае, – у самой Васки едва хватало

терпения поддерживать саркастичный тон.

«Ну выкладывай ты уже, что случилось!»

– А ты чем занимался? – спросила она.

Шанс подумал, порыскал глазами, пошевелил ушами и сел. В свете свечи его остроухая тень расплзлась далеко по стене.

– В Альсвадоре находится одна из школ инквизиторов, – доложил он. По необычной для этого существа решимости было видно, что он долго набирался смелости, прежде чем прийти к Васке с заявлением.

– Да, я знаю. И что? – с напускным простодушием спросила она, желая заставить его сказать всё, что он у себя там приготовил.

– Я хочу стать инквизитором. Давно, с детства.

Васка застыла, не донеся хлебец до губ. Она не отрываясь смотрела в зеленоватые глаза сугнира, в которых отражался свечной огонёк.

Забавные глаза. Всё-таки его раса отличалась пылом и естественным жаром эмоций, и сейчас в скромном Шансе горел этот душевный огонь.

Васка отвела глаза и надкусила хлебец.

– Ну так становись, чего, – с набитым ртом пробубнила она. – От меня-то ты чего хочешь? Благословения?

Шанс тихо вздохнул с облегчением, и Васка краем глаза продолжала следить за ним. Они путешествовали вместе с три недели, это не делало их вечно привязанными друг

к другу. Почему же тогда такое чувство, что Шанс делает что-то преступное, уходя? Почему Васка думала о сугнире, размышляя о вступлении в Гильдию? Возможно, из-за этой потрясающей совместимости характеров, подумала она. Ей нужно безгранично командовать, Шанс может прекрасно подчиняться.

И Васка действительно не знала, стоит ли ей чувствовать себя преданной, если из всех причин покинуть её Шанс выбрал именно дорогу инквизитора.

Это похвально ведь, сражаться с Древним Злом. Можно поёрничать на тему церковных поводков, но ведь далеко не все инквизиторы прямо подчиняются Инориуму. Некоторые из них просто странствуют, уничтожая монстров везде, где найдут. И большинство из них – чудовищно добродетельные люди.

Васка вспомнила Иэру с её речами и помотала головой. Ей не хотелось решать вопросы морали. Ясно было одно. Экзорцисты, инквизиторы, Торговая Гильдия... все дороги вели в Альсвадор.

Катакион, месяц Жатвы, 3

Ферхарал не был большим городом, но одним из крупнейших в этой части Сахасала. Хьюго прошёл уже столько крохотных селеньиц, что отвык от вида высоких домов и оживлённых улиц. Жители здесь не содрогались при виде незнакомца. И не тянулись к оружию.

Меж домов повсюду висели густые охапки цветных лоскутов, выжженных солнцем. Благодаря этому положу можно было бродить по Ферхаралу часами и не упасть в обморок от солнечного удара. Хьюго опустил любимый шарф с лица и расстегнул воротник. Дышать сразу стало легче и веселее.

По улочкам бегала ребятня, на площади у колодца толпились женщины. Они наполняли вёдра и болтали, не спеша расходиться. Вокруг воды всегда было больше всего оживления. Хьюго замедлил шаг. Он слишком плохо знал местное наречие, но ему нравилось смотреть на смеющихся девушек. Девушек недоставало в пустынях, это точно. Разумеется, им там и делать-то нечего. Но святые звери, как же порой не хватало там их улыбок!

Одна его заметила, коротко улыбнулась и тут же спрятала лицо. Хьюго весело покачал головой и подошёл к колодцу.

Вода, бесплатная вода.

Колодец был забран частой решёткой, чтобы туда ничто не могло провалиться. Неудивительно, здесь в поисках во-

ды копать приходится слишком глубоко. Даже выемка для ведра сбоку, за кованой дверцей. Хьюго невесело провёл по ней пальцем. Вот орнамент, вот ручка, а вот кольцо для замка. Хорошее напоминание о том, что в Сахасале народу не принадлежит ничего. Каждый камень, каждую каплю воды волен контролировать кто-то, пересчитывающий золотые квантаты. И отбирать, если наступает их воля. Или падает цена на катаки.

Нет, всё-таки, это невероятно. *Бесплатная вода.*

Холод обмыл его заветренное лицо и стекал по шее. Приятное чувство. Девушки снова захихикали. Хьюго весело посмотрел на них, подмигнул и хотел подойти.

Когда странные звуки раздались из соседнего квартала.

Несколько раз били в гонг, потом раздалось эхо сухого визгливого голоса. Женщины притихли и стали постепенно разбирать вёдра. Хьюго с любопытством поднял брови. Он пошёл на голос. Судя по запаху, он приближался к рынку.

Он не ошибся. Краснокаменные дома вновь расступились, приглашая его на широкую площадь. Торговцев почему-то было мало, половина лотков пустовало. Зато народу столпилось достаточно. Все смотрели на деревянный помост. Хьюго тоже посмотрел – и его улыбка мгновенно исчезла, а глаза мрачно погасли.

Молодого человека волокли вверх. Он был раздет по пояс, явно бит. Судя по телу – шахтёр или кузнец. Точно не наёмник, лицо не то. Но сильный.

Недостаточно.

Визгливый голос неразборчиво зачитывал приговор и обвинения в покушении на чью-то собственность, парень кричал и упирался. Его в четыре руки тащили к огромному колесу на помосте, а там уже были готовы и верёвки, и палач с шипастой палицей. В толпе слышались вздохи, ругань и даже смех. Обречённого кто-то ругал, а кто-то защищал и оправдывал – но всё без толку, пробиться на помост через бычар-охранников было никому не под силу. Но никому, в общем-то, и в голову это не приходило. И Хьюго тоже стоял, холодно глядя на сцену.

– Конец Оловянному, ха-ха, – раздалось рядом. – Всё-таки за него не заплатили. А какие руки были!

Хьюго поморщился и развернулся. Ему захотелось уйти из города как можно скорее.

Страсти на сцене набирали силу. Юношу привязали. Он был настолько бледный, что это бросалось в глаза даже за слоями загара и грязи. Он все ещё пытался вырваться, хотя, кажется, был близок к обмороку. Палачи разговаривали. Наконец один из них недовольно отёр нос и взялся за дробилку.

Хьюго набирал шаг, медленно, но упрямо пробиваясь сквозь воющую от эмоций толпу.

За его спиной на далёком помосте палач примерялся к первой кости, которую ему предстояло размозжить. Поднял инструмент, замахнулся.

И вдруг почему-то упал.

Хьюго ничего не услышал – и не хотел слышать, но неожиданно возникшая тишина испугала его больше, чем ожидаемые крики боли. Он моментально развернулся, пытаюсь определить источник внезапно нахлынувшего чувства опасности. Толпа гудела, изумлялась, подскакивала. Ничего нельзя было понять. Хмурясь, Хьюго стал медленно приближаться обратно к эшафоту. Давка усиливалась, приходилось с силой отодвигать людей с пути.

Палач просто упал, не издав ни единого звука, колотушка грохнулась рядом. Паренёк обливался потом, глядя на него огромными глазами. Из губ лежащего выползла маленькая струйка крови. Хьюго прислушивался. Толпа кричала, восклицала, стражники гремели... но это всё не то, это всё он пытался отсеять. А вот и то, от чего его так передёрнуло. Над всеми этими звуками повторно раздался едва различимый свист.

Он будто шёл прямо из воздуха, над площадью. Хьюго остановился шагах в десяти от помоста, твёрдо решив не идти дальше.

Из дюжины охранников трое медленно повалились на землю.

Остальные начали паниковать, толкать людей вокруг, бешено оглядываться. Они пытались укрыться щитами от невидимых смертоносных зарядов. Тогда кажущаяся нищенка из толпы подскочила к одному и невероятно изящным

движением загнала что-то под доспех. Боец взревел и потерял равновесие. Выхватив его же меч из-за пояса, фигурка крутанулась и снесла ему голову. Её нельзя было разглядеть под выцветшим покрывалом, служившим плащом. Когда она двигалась, ткань не слетала с головы.

Что-то похожее происходило поодаль, где двое фигур в лохмотьях взяли штурмом помост. К ним уже прорывались новые стражники с края площади. В толпе началось невообразимое. Овации, смесь восторга и ужаса, крики и улюлюканья.

Хьюго оглядывал крыши ближайших построек, ища стрелка с дротиками. Он его не увидел, но примерно сообразил, откуда нужно стрелять. И сдвинулся за укрытие – ну так, на всякий случай.

– Да сделайте же что-нибудь! Пошлите сюда третий отряд! – проревело прямо у Хьюго над ухом, и тяжело вооружённый воин, гремя доспехами, устремился через бурлящую площадь. За ним потянулись подчинённые, кто-то натягивал шлем на ходу.

В какой-то момент стало казаться, что целая орава людей у эшафота превратилась в восставших убийц. Все были одеты одинаково, и все толкались и кричали. Пару раз Хьюго слышал свист смертоносных дротиков – звук, который ты со временем научишься извлекать из любого шума, если хочешь жить. Стражи обезумели и в панике осыпали ударами всех подряд. И даже Хьюго не сразу сообразил, что смерто-

носных фигур как было, так и оставалось всего трое. Одна мелькнула и исчезла из виду, вторая продолжала лихо сражаться вдали, а третья...

Третья песчаной пантерой вспрыгнула на эшафот, окончательно добив палача и человека с визжащим голосом, затем ухватилась на канаты и вскарабкалась ещё выше – на шест с высоко поднятым вторым колесом, показательным. Уселась на него, болтая ногами. А потом, когда несколько стрел пролетели мимо и внезапно прекратились, принялась хохотать.

Это вызвало парализующий эффект. Даже на площади слегка затихли – кем бы человек в тряпках не был, он завладел ситуацией. Или она – нельзя было разглядеть ни пола, ни расы, ни глаз нарушителя. Даже голос мог принадлежать чему угодно. Очевидно лишь, что оно было молодо и сильно. И лишено сомнений, какой бы ни была цель.

– Привет вольным жителям Ферхарала! – прокричало существо с высоты, снова заливаясь хохотом. – Рабские души! Не хватило заплатить за своего!.. хребта у вас не хватило! Ну, так будет наш теперь...

Хьюго внимательно вглядывался, пытаясь заметить хоть что-то новое – по движениям, по словам. Ему не нравилось видеть вещи и не понимать, что происходит. Ему не нравилось видеть сильных людей и не понимать, откуда они взялись.

Фигура поднялась. Она не была особо крупной или ре-

льефной. Но осанка внушала уважение. В этих землях настолько прямая осанка могла внушать даже страх.

– Будьте счастливы, жители вольного Ферхарала!.. – прокричало существо. Оно уже не смеялось, зорко выглядывая что-то в толпе. – В следующий раз мы не придём. А может, и придём, кто знает!

В последний раз хохотнув, оно ястребом слетело по шести и растворилось в толпе в одно мгновение. Последнее, что видел Хьюго – кривую звериную усмешку, присущую или серокожей расе, или пережившим. Впрочем, так могли ухмыляться и некоторые люди.

На площади стало меньше людей. Тела охранников лежали в пыли, хотя крови было очень мало. Только с обезглавленного натекло, и его обходили стороной. А, впрочем, сложно сказать, когда вся площадь вымощена красным камнем... Камнем, который добывают во всём Сахасале, не покладая рук, но кто из сахасальцев может назвать его своим?

А пленник бесследно исчез. Хьюго не видел, чтобы его отвязывали или уводили, хотя старался следить за всем очень внимательно. Удерживающие его верёвки, разорванные, качались на колесе.

Наконец-то площадь оцепила армия. Гулкий командный голос отдавал распоряжения, всюду суетились солдаты, выискивая исчезнувшие тени. Жители разбредались, громко делаясь впечатлениями, на всех концах площади их осматривали, перед тем как пропустить.

– Закрыть город! Устроить облаву на нищий квартал...
Задержать и допрашивать всех неместных! Я не знаю, сколько дерьма вы выбьете из этого города, я хочу знать, что это, мать Бездны, было!.. Я хочу этих шутов завтра на виселице!!

Запоздало прибывшая власть грохотала, отдавая распоряжения, совершенно не соответствовавшие предпочтениям Хьюго. Поэтому он сделал несколько шагов под тени яркого лоскутного полога, ртутно сверкнул глазами и, подобно недавним таинственным бунтарям, растворился в тени.

Нерумикон, день Жатвы, 4

Время путешествия до столицы Васка растягивала, как только могла. В конце концов серые стены с резными башнями вынырнули из-за цветущих холмов, а Васка ещё так и не решила, что делать со своей жизнью. Шанс становился счастливее с каждой пройденной верстой, а Васка – задумчивее.

«Иэра, Разлом тебе в задницу! Из-за её слов мне действительно может прийти в голову стать экзорцистом...»

Она не хотела этого, не хотела привязывать себя к какой-то фракции или занимать должность, где с неё могут что-то потребовать. Но лучше ли бессмысленная работа на Гильдию? Где-то в душе Васка знала ответ, и ей он совершенно не нравился.

Это сковывающее, липкое ощущение, что что бы ты там не думал, а всё равно поступишь определённым образом. Невзирая на рассуждения, приоритеты и сугнирские насмешки.

«Я просто хочу сделать что-то достойное со своей жизнью.»

Неужели инквизишка не врала, и на свете *есть* место, где переживших встречают без презрения и страха в глазах? Если где-то подобные ей существа сбиваются вместе, если это происходит так близко... Кто Васка такая, чтобы остаться

в стороне?

Васка вздохнула, когда на неё упала тень массивных столичных ворот. Время принимать решение. Какое там, оно ведь уже принято...

Шанс изумлённо поглядывал на её измученное сомнениями лицо.

– Не хочешь ли ты и сама поступить в инквизиторскую школу?

– Смешнее всего, – хмыкнула Васка. – Что ты почти угадал.

Катакион, день месяца Жатвы, 10

Камни. Серые камни. Хьюго бросил рюкзак и бежал как сумасшедший, а по скалам из-под его ног струями осыпались мелкие серые камешки.

Наконец он вскарабкался на выпирающий утёс и затаился. Преследователи должны были пройти по низу, между скал, и не заметить его. Хотя в душе Хьюго уже принимал неизбежное. Его искали, он дал обнаружить себя, и прятаться здесь было негде.

Коралловый рассвет протекал между скал, но тумана не было. Скрыть сильфида брались только холодные серые камни. От озноба у Хьюго начинали стучать зубы.

– Вылезай, тебе больше некуда идти. Хватит прятаться. Ты же знаешь, что мы идём по твоим следам, сильф!

«Дерьмо», – грустно подумал Хьюго.

Оставалось мало выходов. Врагов было много, около десятка. Кто-нибудь более отважный на его месте ринулся бы в безнадёжный бой. Кто-нибудь, может, даже бы победил. Но вот один печальный факт о Хьюго: он был не настолько сумасбродным.

Так что, похоже, его история подходила к концу. Он просто не мог вечно продолжать бегать и прятаться. Неужели Джохан всё-таки сдал его? Или это он сам навлёк погону, появившись в городе? Встреча с неизвестной фигурой

ещё в том каньоне грызла и грызла его. Хотя он был вдвойне осторожнее с тех пор, но кто-то его всё-таки выследил. Не зря, ох не зря он в ужасе пару ночей назад увидел, как его счастливая звезда сорвалась с неба.

– Неринский лис, если ты думал, что никто не последует за тобой в Сахасал, ты ещё глупее, чем мы думали!

Да знал он всё. Все три года, что он «миссионерствовал» в Сахасале, Хьюго носился от погони. Зачем дразнить его? Ведь эти постоянные перебежки, весь этот миссионерский фарс... Даже внешний монстр бы догадался, что всё это – чтобы замести следы. Они в курсе, что Хьюго от них бегаёт.

– Там тара-тааам, – сзади раздался голос одного из убийц, и Хьюго почувствовал, как ручей пота стекает за шиворот. Щелчок затвора. Его нашли.

– Марр Хьюго-беглец, вам предъявляется множество обвинений! Убийства, подстрекательство, торговля секретной информацией и воровство тайн невероятной важности... – насмешливо говорил человек за спиной и Хьюго, подняв обе руки, медленно развернулся. – О Ночной Гонец, мне абсолютно безразлично, но ты хоть представляешь, *сколько* они готовы заплатить за твою голову?

Хьюго хотел хотя бы видеть глаза того типа, что всадит мелкую нерумную дробь в его голову. Крови будет много, да... Это был простой человек, скорее всего даже не переживший. Подумать только, после всех его приключений, быть убитым обычным наёмником...

Он судорожно соображал. Нет. Не получится. Просто, несмотря на многолетние ухищрения и удачу, бывают такие ситуации, что не убежать. Но ведь... всегда получалось?.. Каждый раз до сего момента. Кто-то или что-то приходило на помощь. Хьюго не мог не думать о пленнике, которого выкрали с колеса посреди великолепно охраняемой площади. Ему бы сейчас такое пригодилось. Но здесь, в этих засыпанных песком дебрях, в жарком и ветряном негостеприимном краю без воды, у него не было ни единого настоящего друга. Слишком много знакомств, но никого, кто согласился бы сражаться за него. Все остались там, в зелёном мире... мёртвые в основном. А вот долги нашли его.

– Приятель, есть способ обсудить это разумно, – против воли растянулся в улыбке рот Хьюго. Он выплёвывал шаблонные фразы, совершенно не действующие в таких ситуациях. Однако именно язык так часто выручал Хьюго в безнадёжных обстоятельствах. Светло-серые губы, растрескавшиеся от сухого воздуха, показались из-под шарфа.

Наёмник покачал головой.

– Ты в дерьме, сильфид. И остроумие тебя сейчас не спасёт.

– Деньги?

Наёмник хмыкнул и повёл головой. Остальные ещё рыскали внизу, не догадываясь поднять голову. Судя по тому, что мужчина не спешил звать приятелей, он рассчитывал получить всю награду один. На этом можно сыграть.

– Не пытайся. У тебя нет ни квантата, лисяра.

– Сколько тебя бы устроило? Десять тысяч? – не сдавался Хьюго.

Наёмник хмыкнул.

– Если ты убьёшь меня, сколько тебе выделят? Три-четыре, не больше. Если избавишься от дружков по пути, то получишь... не знаю, пятнадцать?

Ствол самострела в упор приблизился к Хьюго. Он понимал, что не работает, но язык отказывался молчать.

Хотя бы перед смертью перестать юлить и выскальзывать. Путать и врать. Невозможно. Хьюго презирал себя в последние моменты перед смертью. Поняв, что от этого не избавиться, он позволил языку продолжать.

– Ха! Двадцать тысяч наличными могли бы исправить положение, да?

– Ты за идиота меня держишь? Да будь у тебя с собой хоть сто тысяч, ты думаешь, я предам Крастоса? Прощайся с жизнью, сильф, я не тороплюсь рисковать своей.

Он поднял ствол и действительно приготовился выстрелить.

Хьюго, чувствуя, как страх липкими объятиями сжимает разум, ещё выше вскинул руки.

– Нет! Нет, погоди, друг. Ты не хочешь меня убивать. Я тебе нужен, я...

Ничего путного не шло в голову. В этот раз действительно нет надежды. Никак. Вообще.

«Нет, нет-нет-нет! Ох, Лунный Зверь, пожалуйста!» – взмолился он в отчаянии и стал ещё противнее самому себе.

– Заткни пасть, Лис. Или ты думаешь, что я не знаю, кто ты? – потерял терпение наёмник. Он тыкал стволом Хьюго в грудь, и тот с удивлением обнаружил в этом новую возможность.

– Ты думаешь, я не слышал о твоих проделках и выходах? – не унимался убийца. – Думаешь, я не знаю, на *кого* ты годами так успешно охотился в Нерине?.. Или как ты заговаривал зубы инквизиторам и криминальным гигантам?

«Ну, с гигантами ты явно преувеличил», – подумал Хьюго. Репутация росла у него за спиной, а он и не знал. Да и кличка эта, «Неринский лис» ... Что-то новенькое. Интересно, насколько высокого мнения о нём этот человек? Боятся ли он его? Уважает? Хочет ли покрасоваться, прежде чем убить?

Использовать, использовать, всё это нужно использовать.

– Кто же ты сам такой? – выкинул Хьюго. – Бросил своих парней внизу, чтобы взять меня в одиночестве, несмотря на мои страшные титулы?

– Я – тот, от чьей руки умирает Хьюго Герико, – выдавил сквозь зубы бандит. – Неринский Охотник и Белая Лиса Сасасала.

Хьюго печально усмехнулся. Как его только не называли после трёхлетней беготни по пескам.

Рассвет разгорался.

– Я просто миссионер с очень плохой удачей, – он развёл руками. – Вряд ли марр Крастос обратит на тебя внимание за это убийство!

– Заткнись! – наёмник вскинулся, но пока не стрелял. Хьюго медленно оживал, опять подхваченный надеждой.

Главное – не переборщить.

– Я ни на секунду не забываю о том, кто ты, Герико Хьюго, – ухмыльнулся наёмник. – Можешь валять дурака сколько тебе нравится, но я не настолько глуп, чтобы вестись. Всё, что тебе нужно знать – это что Джар Стальная Рука наградит тебя смертью.

Вот теперь его лицо приобрело холодную решимость, и Хьюго понял, что ничего не получилось. Он чувствовал себя обманутым – выслушать всю бахвалу идиота-наёмника и ничего не добиться. И никто не приходил на помощь.

Из-за гор медленно выползло солнце. Как глупо: дожидаться рассвета, но всё равно умереть. Всё-таки иногда поражение – это и есть поражение. Надежда ушла совсем.

Ну что? Оставалось только сказать что-нибудь глупое перед смертью.

– Так себе имечко, кстати, – сквозь силу улыбнулся Хьюго. Он мог сколько угодно презирать себя в глубине души, но ему не хотелось умирать с серьёзным видом. Ему вообще не хотелось умирать.

Хьюго любил жизнь. Но когти неизбежного его настигли. Раздался выстрел.

Нерумикон, день месяца Жатвы, 10

Под такими высокими потолками Васка года три не бродила, наверное. Дворец явно принадлежал древней альсвадорской знати. Возможно, когда-то его даже строили для приспешников Праведного Короля. Вполне возможно... На утренней экскурсии должны были это рассказывать, но Васка на неё прийти не удосужилась.

Длинный зал бесконечно уходил в обе стороны. Очевидно, это была лишь одна из бывших столовых. Теперь – наверняка единственная, все остальные помещения приспособили для обучающихся и военных целей. А поодаль начинались коридоры, ведущие в гораздо более скромные комнатки. Васка была счастлива возможности оставить свои узелки в одной из них. Всему остальному, что происходило с ней в последние два дня, она относилась с меньшим энтузиазмом.

Золотистый свет просачивался через высокие резные проёмы окон. Под потолком летала сверкающая на солнце пыль, за которой виднелись морды звериных барельефов.

Столы были странными: словно кто-то заказал сделать их очень длинными, на казарменный манер, но потом распилил на много уединённых столиков. Смешно, но понятно. Ха! Только в чокнутом воображении можно усадить так много переживших за одной скатертью. Единственная парочка длинных столов стояла, видимо, из эстетических соображе-

ний, посреди столовой. За ними, наверное, никто и не сидел-то никогда. Поэтому за одну из огромных столешниц без какого-либо зазрения совести бухнулась Васка. Она в смешанных чувствах глядела на свою тарелку, то ли размышляя над её содержанием, то ли пытаясь придумать саркастичную шутку по его поводу.

Ну и, разумеется, именно за её столик из всего великого разнообразия додумались плюхнуться некая рыжеволосая сугнирка и – куда бы ещё увлекательнее? – четырежды «великий» Наставник.

Они даже внимания на Васку не обращали, повернувшись к ней спиной и беседуя об утончённых материях. Девушка поскрипела на скамье, пытаясь ложечкой – красивой, оловянной ложечкой – поддеть тянущуюся плёнку на чём-то, походившем на кашеобразный суп. Нет, если быть откровенной, по виду это больше напоминало след коровьего копыта, залитый весенним половодьем со всем его многообразным содержимым, которое потом подмёрзло и ещё не до конца растаяло. Васка считала себя непривередливой в плане пищи. Но сейчас ей хотелось позвать на помощь.

– Я не могу это есть, – выдохнула она наконец. – Я хочу мяса.

Иэра же довольно уверенно загребала эти «разжиженные минералы», как утверждали люди знающие. Это даже органикой сложно было назвать, но, как объясняли, такие «живые кристаллы» специально выращивали для пищи в окрест-

ностях Альсвадора.

– Такая еда укрепляет дух, – заявил седоволосый наставник, впервые повернувшись в васкину сторону. – После этого можно заняться и телом.

Васка зыркнула на него.

– Нерум бы сейчас укрепил мой дух.

Накануне она снова нажралась нерума, вызвав новый приступ паники у сугнира. А утром уже стояла, покачиваясь, в Зале Чистоты, где её провозглашали экзорцистом. Наставники в красивых синих мантиях произносили много важных речей и поздравляли прошедших вступительный отбор, а Васка шмыгала носом и сквозь тупую боль в голове думала о тех, кто наиглупейшим образом погиб в этом турнире. Сами по себе проходные испытания не были особо опасны. Можно было преодолеть их, не имея никаких особых навыков. Но пережившие тем и отличались, что умели создавать себе проблемы. Тьмородившиеся не ходят стаями. Когда встречаются хотя бы двое, часто проливается кровь. Но такую толпу мглорождённых Васка за эту жизнь увидела впервые. И каждый, разумеется, стремился продемонстрировать зубы.

После речей началось безобразие. У каждого рекрута взяли несколько капель крови, а через минуту на них всех уже навешивали, как ошейники, маленькие талисманы из простого железа. «Вот уже первые оковы пошли, буквально!» – ужасалась Васка, ощупывая холодную цепочку.

– Никто из вас ещё не является экзорцистом, пусть вы и будете носить наплечники с символом Дома, – обрадовал главный выступающий. Предводитель всей дикой затеи. Он был с густой тёмной бородой, дорого одет, но без мантии, и каждый тьморождённый в зале легко чувствовал: в нём нет крови Древнего Зла. Явно воин, судя по осанке; явно умный, судя по глазам. Но человек. И он стоял на возвышении, как овца посреди волков. Как слепец среди лезвий.

– Мы не можем изменить вас, дав лишь звание. Это долгий путь, который каждый из вас должен пройти сам, с нашей помощью. Талисман Определения будет напоминать вам об этом. Теперь ваши души связаны с ним через кровь, и если вы стоите здесь, значит, вы согласились принять этот риск. Теперь пути назад нет: чтобы получить звание настоящего экзорциста, вам нужно суметь превратить эту железку в золото.

«Это какая-то метафора, да?» – Васка несколько раз уточняла с иронией, но все с серьёзными лицами отвечали ей, что именно это и нужно осуществить. Ты будешь оставаться учеником-рекрутом на побегушках, пока эта вечно холодная бирюлька на груди не засияет, и всё якобы зависит от успехов в личном просветлении.

Васка собиралась проявить всю свою устремлённость, выполнив задание лучшим возможным образом и в кратчайшие сроки. Это означало – в ближайшее же время отнести Талисман в алхимическую лабораторию, где сейчас подраба-

тывал Шанс.

Нет, ну серьёзно!! Кусок железа – в *золото*?..

Если бы она могла это делать, она бы не искала работу по Дворам... то есть, Домам Экзорцистов. Васка считала себя весьма ироничной, но кто бы ни придумал такую задачу, явно превосходил её на голову. В случае неудачи с её душой должно было произойти что-то весьма неприятное, но эту часть Васка уже прослушала, потому что её сильно мутило посреди церемонии, и она мечтала лишь, чтобы её не стошнило на пол.

Даже сейчас шум сдавливал виски, от него не было спасения. Только медовые кристаллы могли разогнать вечный гул, но потом он возвращался с двойной болью. Так что... да.

– Нерум бы сейчас укрепил мой дух.

– Ты снова за своё, – скривилась Иэра. Разумеется, сугнирка не могла остаться в стороне. – Этот сарказм, это... неуважение ко всему.

– Нет, я правда хотела бы сейчас отключиться ненадолго, – пробормотала Васка. – Или, может, мне посчастливится, и эта сладкая дрянь меня наконец убьёт.

Иэра плохо скрывала раздражение.

– И этого ты хочешь? Вся жизнь, вся сила, всё необычное и невероятное, обладателем чего ты теперь стала – всё это тебя совершенно не впечатляет?

– А с чего это должно меня впечатлять? Здесь кормят, обещают защиту и стипендию. Ну замечательно, я готова ра-

ботать за это. С какой Бездны тебе сдались мои эмоции?

– Барышни... – пытался вмешаться наставник. Но он ещё не понимал, в чью ссору влез.

– У тебя есть возможность использовать с толком свою жизнь. Сделать мир лучше. Этот статус, который вызывает уважение... потому что люди верят в экзорцистов! Верят, что мы наконец-то принесём им мир! А такие, как ты, просто не имеют права быть в Доме!

– Остынь, Иэра, – наставник мягко пытался удержать Иэру за плечи. – Как можно? Она тоже здесь первый день.

Васка сморщилась.

– Люди дураки, если верят, что вот-вот придут волшебные спасители с белым крестом на доспехах и разом покончат с их бедой. Сколько лет прошло со времени Разрыва Купола? Две, три сотни? А сколько столетий существуют инквизиторы? Пять?.. И теперь, когда вы облажались и поняли, что годитесь лишь на запугивание и никчёмные благородные лозунги, экзорцисты должны прийти и спасти всех?

Иэра поднялась и угрожающе направилась к Васке. Разговор всерьёз угрожал перейти в драку. Но Васка уже завелась.

– Теперь мы должны спасать тех, кто веками проклинал нас и называл Пережившими? Ты, которая скрывала свою сущность, чтобы не быть пришитой дружками-инквизиторами, теперь говоришь, что они верят в тебя? Да мы просто новый скот на заклание! Свежая кровь, которую бросят Ит Ахра!

Кажется, онахватила лишку. У Васки вначале вроде не было желания никого оскорблять, но да Бездна с ним. Иэра с ненавистью смотрела ей в глаза.

– Ты не представляешь, каково это, Васка Востра. Ты не можешь даже начать представлять, каково это – быть серокожей в Инквизиции. *Пережившей* серокожей в Инквизиции! И ты представить не можешь, через что я прошла...

– *Зачем?*

В наступившей тишине глаза Иэры вспыхивали плазменным светом.

– И что ты знаешь о монстрах, – продолжила вдруг сугнирка голосом, от которого простой человек бы содрогнулся. Но, разумеется, не Васка. Её это лишь веселило. Она ещё не понимала, почему, но эта инквизиторша просто не могла её напугать. Какие бы грандиозные речи она не вещала, Иэра была с Ваской на одном уровне. Ещё с того момента, когда напала на неё со спины в Тридукане.

– Что ты можешь знать о внешних монстрах, – повторила сугнир, испепеляюще глядя Васке в глаза. – Ты не жила в Нижнем мире. Ты не видела Купол в том месте, где он треснул. Ты не видела семьи, разорванные Ит Ахра на куски, и людей, кидающихся в бой на гигантских чудовищ с кирками и лопатами, чтобы защитить любимых. Тебе бы только гулять по зелёной травке, лизать нерум и тратить жизнь, зная, что она всегда к тебе вернётся – вместо того, чтобы сделать хоть что-то полезное. Так о чем ты вообще говоришь?

– Столько разговоров о чести... – просверкала глазами Васка в ответ на дикий взгляд. – Однако ты всё-таки бросаешься с кинжалами со спины. Ты настоящая пережившая, Иэра – как и я. За позолотой дерьма не скроешь.

А в васкиной памяти мелькали непрощенные картины Родиаана: серой, вечно затенённой страны, в народе именуемой Нижним миром. Мира камней, крови и редкого света. Воздух там вечно пах известью. Зараза, пропитавшая всё васкино детство. Только она предпочла что-то сделать с собой, чтобы вырваться. Сколько сил было приложено, чтобы добраться до золотого Инориума, а потом и неринской травы. И Васка не стремилась приносить себя в жертву ради тех, кто только жаловался и стонал.

– Мара Васка! Мара Иэра, – не вытерпел наставник. – Так не подобает вести себя экзорцистам, даже в первый день!

Иэра остановила руку, уже тянущуюся к рукояти кинжала. «Конечно, – хмыкнула Васка. – Послушна даже сейчас.»

Она пренебрежительно подняла руки и сделала шаг назад – смотрите, мол, я себя контролирую. Иэра сделала примерно то же. Однако зрительный контакт они разорвали в самый последний момент перед тем, как разойтись в стороны. И Васка ещё долго не могла забыть этот сильный взгляд пыльных, преданных делу глаз. Как, надеялась она, остро должны были ответить на такой взгляд её собственные, полные ледяного презрения.

Зейкаритон, ночь месяца Жатвы, 10—11

– Фло, берегись! Опять не получилось...

Флорентина кинулась в сторону, уворачиваясь от града камней. Мелкие тёмные духи, вереща, наполняли пещеру. Кандидо проверял запасы зейкаритоновой взрывчатки. Слишком мало.

Раз за разом, каждый день, близнецы приходили в пещеры. Они истребляли негативных духов десятками, сотнями, чтобы нарушить равновесие. Иногда получалось, а иногда – как сегодня.

– Их снова много, – грустно сказала Флорентина. Брат вздохнул, теребя короткие взъерошенные завитки светлых волос.

– Завтра снова попробуем.

Фло кивнула.

Положительные духи тихо шелестели по краям каменной залы, жуя песок и источая голубое сияние. Негативные порывивали, гуляя между колонн, царапали стены и иногда кусали положительных. Они светились красным. И были ещё другие, странные, их цвет менялся от грязно-жёлтого до ослепительно белого. Они делали, что хотели. Флорентина не знала, как их назвать.

Ещё древние говорили, что всё в мире должно быть сба-

лансировано. Если светлые духи вылезают из-под земли и наводняют пещеры, то и тёмные обязательно появляются. Если наверху, в Нерине, золотые листья и серебряные ручьи, то в Сахасале нет воды и один песок с гигантскими ящерицами. А здесь, в Родиане – шов на тонком Куполе, и множество монстров. И будет ещё больше, если в Инориуме не успеют придумать решение до того, как Купол истончится полностью. И хотя Небесная Столица существует ради этой цели, что-то подсказывало Флорентине, что в день прорыва жители Нижнего мира останутся наедине с бедой.

В мире происходит так много плохого. Так много несправедливости. Если это и есть тот «баланс», та точка отсчёта, по которой измеряют гармонию в мироздании, значит, этот показатель надо сдвинуть. Ведь сдвинули же его полторы тысячи лет назад, убив Солнечного бога и Хозяйку Сферы? Так пусть теперь нормальным станет что-то получше. Если маятник каждый раз возвращается к нулю, надо перенести ноль. Всё просто. Нужно нарушить мироздание.

Поэтому Флорентина и Кандидо каждый день уходили в заселённые монстрами и духами пещеры Родиана и уничтожали злых. Если они убьют достаточно много негативных существ, настолько, чтобы добрых духов стало на порядок больше, то и во всей Сфере Жизни станет немножечко лучше.

Ведь в глубинах Родиана, ведь именно здесь находится большинство тайн Великой Сферы. И духи-хранители, зако-

нодатели порядка, из их числа. Об этом мало кто знает, ещё меньше тех, кто пытался искать, и совсем мало тех, кто нашёл.

Флорентина вытерла пот со лба. Она очень устала, но этот день не принёс никаких плодов.

Завтра они попробуют снова.

Катакион, месяц Жатвы, ночь 10—11

Выстрел ещё отдавался в ушах Хьюго, когда он пришёл в себя и понял, что жив. По всем законам он должен был умереть. Он знал, что удача исчерпала себя. Или нет?..

Открыв глаза, он уставился в небо. Здесь, в Сахасале, светила всегда были сокрыты ржавой пылью, но счастливая звезда каким-то чудом была на месте.

Не может быть. Он своими глазами видел пару дней назад, как она сорвалась и слетела за границу рваного горизонта. И вот теперь она снова дарила ему неровное игривое сияние.

Хьюго лежал лицом вверх в холодном ручье. Он не помнил, как упал, не помнил, куда делся день, и знал только, что прошло много времени и что чудесный спаситель – если ему не привиделся весь этот эпизод, уже далеко.

Но он обязательно узнает, что это было.

Одно из тех знаний, что Хьюго называл «несомненными». Что-то вроде дара, а может просто сбывающееся суеверие. Также, как он знал, что его удача исчезла. И вот, она вернулась и подмигивала ему с небосклона. Поднявшись, Хьюго оторопел.

Ручей?

Он за годы жизни в Сахасале, казалось бы, должен был привыкнуть к местным ландшафтным особенностям. И его должно было сразу насторожить – нет, напугать – что он ока-

зался в воде.

В Долине воды вообще не было. Не может быть, чтобы он внезапно нашёл скрытый оазис. Их нет.

Хьюго недоверчиво похлопал по журчащей воде и даже протёр глаза. Затем с удивлением оглядел пустыню, потонувшую в ночи, алые пески и серебристую дорожку ручейка. Который бежал, точно не зная, что его здесь быть не должно.

«Великая Сфера Жизни, что же с тобой в очередной раз происходит?» – подумал Хьюго, снова глядя вверх. Его треугольные уши слегка даже пошевелились от удивления, как у сугниров.

Звезда сияла.

Журчала вода.

Нерумикон, ночь Жатвы, 10—11

– Рассвет *наступит*, если ты не будешь его ждать, – неуверенно проговорила Васка, глядя в небо.

Только в Доме Экзорцистов ей наконец объяснили, что это означает, это инстинктивное томление в груди, не дающее уснуть, пока ты не удовлетворишься, что на горизонте зажегся огонь зари. А Васка всю жизнь верила, что это её личное.

В стороне от костра сидела Иэра, закинув голову к небу. Наставник решил в воспитательных целях отправлять их вдвоём на все задания. Сугнирка тоже отказывалась спать, пока не дождется утра. Никто из них об этом не говорил, конечно. Они просто знали без слов.

Они – пережившие, мглорождённые. Сколько неласковых кличек придумали тем, благодаря кому полторы тысячи лет назад каждое утро вставал солнечный диск из-за разорванной полосы горизонта.

Впрочем, всё закономерно – ведь они же в своё время и убили Алого Льва, отвечающего за подъём светила. И, наверное, во многом благодаря первым пережившим горизонт обрёл рваную форму. Но это сейчас не волновало Васку. Она размышляла, каково это – сотворить рассвет.

Снова это ночное настроение, заметила Васка. Только в этот раз рядом не милашка Шанс, а сугнирка Иэра, по-вол-

чьи глядящая на луну. Словно вот-вот завоет. У неё тоже это, ночное. По профилю видно. Такому чувственно-романтическому профилю, который на картинах подаётся со звёздным сиянием и лёгким туманом по краям. И, судя по тому, что Васка думала об этом почти без иронии, ночное настроение пробрало её больше, чем казалось. Оно вообще опасное, это ночное. Ещё чуть-чуть, и возникнет соблазн философствовать. Иэра, вон, уже готова воспарить к луне.

Девушка откинулась на зелёный ковёр травы и вдохнула ночной воздух.

Славная охота выдалась сегодня. Может, не так уж и зря их с Иэрой отправили обучаться вдвоём. Если не обсуждать нравственно-этические предпочтения, команда получается неплохая. Как сильно Иэра отличается от податливого и пугливого Шанса! Она не слушает Васку, никогда, но она слушается своих законов. И когда Васка выучит их все до одного и научится использовать по своему усмотрению, это будет то же, как если бы сугнирка повиновалась ей.

И тут Васке впервые стало тошновато от своих мыслей, и это экзорцистское «изгони зло из себя»... Она удивилась. «Ночное», – решила она в конце концов и вздохнула.

Иэра подкинула хворост в огонь. Васка поёжился от прохлады и подползла ближе к трещащим язычкам костра. Они с Иэрой очень мало разговаривали, и, в отличие от общения с Шансом, им это было не нужно. Они просто понимали друг друга, так как чувствовали одни и те же вещи. Симметрич-

но устроившись по разные стороны от огня, две юных экзорцистки приготовились спать.

– Спокойной ночи, – не выдержала Иэра.

Васка неопределённо помахала рукой. Ей даже это было лишним.

Дымок от их маленького костерка поднимался вверх, к небу. И ни Васке, ни Иэре не нужно было подниматься, вставать на цыпочки, вглядываться в медленно проявляющуюся бледно-розовую полосу, чтобы знать, что наступает рассвет.

Что он всё-таки наступает.

Очень долго им придётся заучивать постулаты экзорцистов, проводить дни в тренировках и раздумьях, медитировать, чтобы осознать эти простые вещи. Васка знала, что полученный ей Талисман Определения будет ещё долго отражать её сущность ржавой и бесполезной, прежде чем засверкает. И скорее уж его железо обратится белым золотом, как и её волосы, и её душа, чем она сможет спокойно засыпать до полуночи.

Потому что есть монстры или нет их, Родиан или Сахасал или Нерина, правы инквизиторы или не очень, и какая бы кровь не текла в тебе – самое важное, самое неперемное и нужное, это знать, что в конце концов солнце рано или поздно поднимется.

Слишком страшно жить, если не ждать рассвета.

Небо окрашивалось розовым. Иэре и Васке уже снились сны.

Часть II

Нерумикон, день месяца Жатвы, 15

Закат окрашивал долину красным. Тут и там под ползущими лучами загорались золотом пятна пигмовой листвы. С холма было хорошо видно окрестности, и вечерний летний ветер мягко трепал волосы. Было приятно сидеть на бревне, слушать трещащий костёр и песни просыпающихся сверчков. Пахло молодыми цветами.

Васка чистила саблю от крови.

– Опять упыри... – прошмыгал молодой экзорцист, появляясь из-за спины. Васка за весь поход так и не запомнила его имени. Он дрался значительно хуже их с Иэрой, вот им его и навесили. Или для того, чтобы девушки окончательно не загрызли друг друга. – Где-то в долине источник заражения, не иначе. Какое-нибудь болото с древней магией. Уже четвёртую тварь встречаем.

– Доложим в Дом, пусть устраивают полноценную охоту по их души, – спокойно ответила Васка. – Человек шесть. Если, конечно, не хочешь сам сейчас туда лезть.

– Я бы ходил.

Васке нравился юный рекрут. Его распирал огонь, однако очень светлые глаза всегда оставались пристальными и умными. Он не боялся убивать, хотя рвался делать только благие деяния.

Когда-то Васка и поверить не могла, что трое переживших

могут сидеть в одном лагере, не устраивая игру на выживание. Но мглорождённые, вступившие в Дом, действительно вели себя прилично. Как долго это продлится, перед тем как тёмная кровь возьмёт верх, размышляла Васка. Недокорми или перекорми, и кто-нибудь точно сорвётся с поводка. Васка не могла дать гарантии, что сама не пойдёт вразнос в один день. Её донимала атмосфера Дома, где жизнь текла так спокойно, так правильно. Казалось, вот-вот обрушится занавес, все сорвут с себя маски и обнажат волчьи пасти.

Но экзорцисты продолжали верить в то, что делали. И Васка не унималась, пытаясь их спровоцировать. Вот и сейчас. Как же звали этого юношу? Он казался старше Васки, но совершенно не умел сражаться, поэтому она относилась к нему как к ребёнку.

– Хочешь героем стать, я погляжу?

– А почему бы и нет? Мы здесь, упыри там. Можно защитить ближайшие деревни и сделать что-то значимое.

– Значимое, хах... ну, вот Иэра вернётся от заказчика, поведаешь ей свой план.

Васка придирчиво осматривала клинок под последними лучами солнца. Ей казалось, крючок на конце изогнутого зубчатого лезвия слегка погнулся. Паренёк уселся рядом.

– А зачем ты пришла в Дом? Защита тебе вроде как не нужна. Да и слава, как погляжу, тоже.

– Слава? «Совершить что-то значимое» – забава для тех, кто живёт один раз. Они так пытаются добиться бессмертия.

А я-то в любом случае буду жить дольше, чем любые мои поступки.

– Ну, знаешь... Можно просто стлаться тенью, теряя личность после каждой смерти. Вертеться, как шпунтик в часах. Но разве тебя эта перспектива не бесит? Вот тебе разве не хочется разорвать это однообразие, в которое нас скрутила жизнь, и показать, что ты – нечто большее, чем звено в цепи? Сделать что-то настолько удивительное, чтобы даже после перерождения восхищаться собой? Разве тебе не хочется подарить своему следующему воплощению врождённую память о том, как быть героем?..

Васка холодно смотрела в его разгоревшиеся глаза.

– Нет. Я не хочу выстилаться ковром перед этим миром, страдать ради него, только для того, чтобы иметь отметку «герой» в биографии. И я не хочу помнить предыдущие жизни.

– Потому что презираешь их все? Думаешь, что они, как и твоя нынешняя, были наполнены только болью и ненавистью?

– Слушай, откуда ты взялся такой?..

Васка собралась серьёзно осадить его, но её отвлёл тёмный силуэт в собирающемся вечернем тумане. Рослая фигура выделялась на фоне огней деревни. Юноша проследил за взглядом Васки и схватился за меч.

– Остынь. Это не вурдалак. Это Иэра.

Сугнирка подошла ближе и остановилась. Она избавилась

от рюкзака, который пошла доставлять торговцу. Значит, задание официально выполнено. Но в лице экзорцистки были сомнения. Рога бросали резные тени на её лицо.

– Чего такое?

– Он... аа... короче, вот.

Иэра протянула свёрток коричневой бумаги. Васка развернула. И сглотнула. Парень заглянул через плечо.

Все трое огромными глазами смотрели на деревянный ларчик.

– Заказчик сказал – один лишний.

– То есть ты уверена, что его не будут искать? Он так и сказал «один лишний»?

– Если подумать, мне сразу показалось странным, – кивнув, сказала Иэра. – что в заказе было указано семнадцать коробок. Обычно их пачками по восемь перевязывают. Видимо, кто-то ошибся.

Васка сглотнула. Целый. Чтоб его. Ящик. Нерума.

Маленький ларчик помещался в ладонях, и внутри было унций десять, не больше. Но для них, для мглорождённых, этот обычный десертный компонент казался невероятным кладом. И его не будут искать.

Васка знала, что благодаря экзорцистской диете яда в её организме поубавилось. То, что нормальный организм переваривает вообще без вопросов, сейчас, так и быть, не представляло для Васки смертельной опасности.

– Так что с этим делать-то? – Сглотнув слюну, подал голос

парнишка.

Васка с Иэрой переглянулись. У Иэры сияло сомнение в глазах, но Васка напирала взглядом.

– Руан, беги в деревню, – наконец сказала сугнирка.

– Тащи вино и специи, – подхватила Васка. – Сейчас покажем тебе, что с этим делать.

– А упыри?..

– Упыри переносятся на завтра – и, если мы доживём до заварушки, то это, Руан, будет самый восхитительный бой в твоей жизни.

Катакион, день месяца Жатвы, 17

– А я знал одного сильфа, похожего на тебя, – заявил игрок в карты. – В мороке, магии этой вашей серокожей, он был не силён, но голову морочить умел весьма неплохо! Не то Хаго его звали, не то Хуго... Давно это было...

– Ну здесь бы его уже давно пристрелили, наверное, – поспешил заверить Хьюго.

Игрок рассмеялся.

– Я всегда удивлялся, как ему удавалось выпутаться из переделок. Там, в Нерине, парень был легендой.

– У меня козырной.

– Вот везунчик... – игрок переключился на карты, моментально забыв о старом знакомом. Он проигрывал.

– У меня тоже есть одна знакомая, – улыбнулся сильфид. – Её зовут Удача.

– Смотри, не проворонь свою удачу, – рассеянно ответил игрок. – Она не любит, когда о ней упоминают вслух.

Хьюго было весело. С момента неожиданного спасения его словно подхватило ручьём какого-то нового вдохновения, радости жизни.

– А я вот историю интересную слышал, – медленно, как бы невзначай, начал он. – Говорят, в Долине воду видели.

Игрок присвистнул. За соседним столиком даже обернулись и кинули на сильфида насмешливый взгляд.

– Я сам в Сахасале недавно, откуда же мне знать, – продолжал Хьюго. – Но раз путешественники говорят...

– Тут простых странников не водится, – не поднимая взгляда, ответил игрок. – Какой-нибудь старый плут, Гонец его дери, целый день будет петь тебе песенки, лишь бы выбить скидку на катаки.

– Ох, так значит, катаки не упала в цене? – притворно жалостливо спросил Хьюго. – И в долине никто не видел воду?

– Обманули тебя, дружок, – тоном знатока ответил собеседник. Ты слишком доверчив. Но что поделать? Вы, сильфиды, как дети. Наивность так и прёт.

Хьюго громко вздохнул, незаметно подтасовывая карты из рукава.

– Вот кто действительно внешнее отродье, так это наёмники Гильдии, – сильфид решил зайти с другого края. – Слышал, одного бедолагу на днях чуть не пристрелили совсем рядом, в Ложбине. Тот улепетнул, только пятки сверкали. Сам не знает, как спастся от самого Джара Стальной Руки.

– Что за дурацкое прозвище?

– Из людей Крастоса, говорят.

Игрок замер и положил карты.

– Крастос переметнулся к Торговой Гильдии... Ну дела... Действительно пески пришли в движение...

Его взгляд тревожно оторвался от стола и изучал Хьюго. Тот почувствовал, что взял опасный манёвр, и сейчас радовался, что был обмотан шарфом почти до глаз.

– Занятная история. Кто ж тебе её рассказал?

Хьюго нелепо пожал плечами.

– Так, толкует народ, – и, встретив ещё один испытующий взгляд, предпочёл занервничать и забегать глазами. – Ну, допустим, я лично информатора в глаза не видел... говорят, он человек серьёзный!

Игрок тихо засмеялся.

– Да, друг, ты просто нечто. Откуда же ты здесь такой взялся?

– Я миссионер из Родиана, – ответил Хьюго. – И мне тревожно пускаться в другой город, когда по пескам бродят такие типы.

– А Сахасал вообще место опасное. Особенно сейчас. Все начали выбирать стороны. Крастос, как видишь, жмётся к Гильдии...

– Какие ещё стороны?

– А их всего две. И если не хочешь выбирать – а я настоятельно не советую лезть туда – то всегда путешествуй днём. Ночная пустыня, приятель, это другое место. Но я слышал, ваш народ и так всегда спит по ночам...

Хьюго поморщился. Он и правда предпочитал передвигаться днём, несмотря на очевидные климатические затруднения.

– Интересно. А что будет, если меня однажды поставят перед самострелом? Посреди красного дня?..

– Молись, чтобы ты пригодился Исфирата. Возможно, они

тебя вытащат... Хотя что им взять с такого болвана?

– Кому?..

Игрок продолжал тихо смеяться.

– Если наёмники из Гильдии, да ещё и сподручные Крас-тоса, вышли на бедолагу, то только сами Исфирата могли его спасти. Для них дело плёвое.

Хьюго тихонько зашевелил ушами.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он, подставившись под карточную атаку. Разгорячённый долгожданной победой, игрок заговорил живее.

– Говорят, впервые за несколько сотен лет в Сахасале появилась *новая гильдия*. Не банда, подвязанная к торговцам, не стая мародёров, не шахтёрский конгломерат. Что-то другое. Никто не понимает, кто они и откуда взялись, но... при-смотришься, когда будешь ходить по красным пескам, сильф. Смотри внимательно. Или вообще не смотри.

– Чем же они занимаются тогда? Это новое общество?

Игрок снял карты и помотал головой. Хьюго видел, что капелька пота потекла по его виску. Наверное, сухой воздух. Или он уже жалел, что распустил язык.

– Чтоб мне во Внешнем огне сгореть, если я сам что-то понимаю про них. Ну да мне и не нужно. Зыбучий песок! – он вдруг резко раздражился, перемял карты и хмуро опустил глаза, давая показать, что разговор окончен.

«Ну ладно тогда», – задумчиво следивший за собеседником Хьюго продолжил игру без расспросов.

Исфирата.

Нерумикон, день месяца Жатвы, 17

Сумерки совсем сгустились среди златолистных деревьев. Тихо и темно.

След впереди обещал добычу.

После памятного дня, когда они с Иэрой и парнишкой, имя которого Васка снова забыла, разделили ящик нерума с горячим пряным вином, их ждал в Доме длинный выговор. Всё, чего Васка добилась за предшествующие дни дрессировкой сознания, было утеряно, и яд вернулся в организм. И Васка своими глазами видела, как угрожающе потемнел Талисман Определения.

«Ну хорошо хоть не пошёл ржавчиной».

Васка не знала, хватит ли у неё сил и воли пройти всё обучение, или она станет тем, кого экзорцисты за глаза называли «невшлётками». Сломанной желтоволосой отступницей с проржавевшей душой. В любом случае, в её планы однозначно не входило ломаться так скоро.

Иэра, кажется, вообще расстроилась. По иногда вспыхивающим искоркам в глубине глаз Васка видела, что она хотя бы не жалеет. Это было бы совсем обидно. Может, сугнирка утешала себя тем, что они всё-таки устроили чудовищный разнос гнезду упырей на обратном пути. Лучше, чем вино и нерум, по мнению Васки, могла быть только драка после

такого пира. Когда всё тело звенело насквозь, и жажда крови захлёстывала, и в каждом движении ощущалась неугасимая сила.

Васка сделала знак Иэре, скрывающейся за деревом, и принялась красться дальше.

Раздался шорох и хруст. Обернувшись, Васка увидела, как шевелятся ветки, но со стороны это было похоже на птичью возню. Когда звуки затихли, Васка вытащила оружие и приблизилась ещё немного к цели.

Монстр Ит Ахра стоял прямо впереди, в свете луны, раздирая и поглощая плоть какого-то животного. Васка надеялась, что это было животное. Хотя, впрочем, ей было всё равно.

Еле слышно свистнув Иэре, она сделала ещё несколько тихих шагов вперёд. Красться у Васки обычно не очень получалось, поэтому ей приходилось следить за каждым движением, каждым шагом. Иэра же как-то по-звериному затаилась среди ветвей пигмы, так что её совсем не было видно.

И... конец. По последнему Васиному сигналу сугнирка кинулась вниз, целя монстру в горло. Как пантера.

«Так вот как это выглядит со стороны», – усмехнулась Васка, вспоминая нападение в Тридукане.

Закричав что-то угрожающее, она кинулась в атаку из своего куста. Монстр был ранен, его застали врасплох, однако от боли его нечеловеческая сила лишь возросла. Что ж...

Пока Иэра выплясывала с кинжалами, нанося быстрые удары отовсюду и отвлекая врага, Васка успевала рубить зубристым клинком и наносить серьёзные раны. Слизистая рваная кожа чудовища покрылась его собственной кровью – грязно-коричневой, пузырчатой, смешанной с гноем.

Несколько раз оно пыталось поймать Васку, и ей пришлось уворачиваться от гнилых зубов на искажённом лице, либо от когтей на чересчур длинных, жилистых руках.

Перекатившись в сторону, Васка оказалась у ствола ивы. Монстр нёсся прямо на неё, и Васка отпрыгнула в последний момент, хорошенько пнув тварь сапогом вдогонку. Однако монстр и не думал врезаться в дерево. Его реакция и ночное зрение значительно превосходили васкины ожидания. Он лишь оттолкнулся от ствола и прыгнул на Васку. Та кинулась в сторону, снова перекатилась, отпрыгнула. Заглянула в крупные, залитые гноем ярко-жёлтые глаза и со всей силы воткнула клинок между ними. В следующий момент её обдало мерзким дыханием чудища, так что она отшатнулась. Оно ещё шевелилось и даже собиралось продолжать битву, но уже двигалось медленно и хаотично. Иэра вытащила цепь и накинула её на шею монстру. Натянула. Её сапог упёрся в выступающий хребет. Чудище захрипело, его тело слабо забилось. У Васки появилась возможность ухватиться за Зубристый и потянуть... но клинок глубоко засел в черепе. Тогда она выхватила из-за пояса короткий охотничий нож и, выбрав момент, воткнула его сбоку в горло Ит Ахра. Глад-

кое лезвие легко вошло и с тихим чавканьем покинуло полугнилую плоть. Кровь хлынула на траву и тут чудище уже не устояло.

Оно ещё билось в конвульсиях какое-то время, омерзительно крючась на траве, а Васка, присев на корточки, хмуро наблюдала за ним. Иэра предпочла отвернуться и отступить в полумрак.

Наконец чудище перестало дрыгаться в агонии, хотя оно всё ещё крючилось, когда Васка пнула его ногой. Эти твари ужасно долго дышат.

– Нужно похоронить бедолагу, – раздался из тени голос напарницы. Васка подняла бровь.

– Никак влюбилась, пока его цепью душила?

– Я про этого, – Иэра указала на груды тряпья и мяса, над которой они нашли чудовище. Да, это было не животное. Какой-то крестьянин, если судить по ошмёткам одежды.

– Ох, да брось. Проверь лучше, нет ли у него чего ценного, – бросила Васка.

Иэра нахмурилась.

– Он человек. И заслуживает, чтобы его подобающе провозили к Звёздному богу!

– Ладно, я сама его обшарю, – пожала плечами Васка.

– Ох... ну почему ты такая!

Васка вздохнула. Начинается.

– Он же человек, как и ты! Настоящее живое существо, одна кровь... неужели так сложно проявить ну хоть каплю

сочувствия? Я уже не говорю о простом уважении к мёртвым!

Иэра злобно смотрела, как Васка, сморщившись от отвращения, перебирает кровавые лохмотья. Что бы сугнирка не говорила, на человека это было похоже очень мало. Васке повезло – в одном из карманов она нашла монеты, а на шее висел кулон. Возможно, что и цепочка, и подвеска были из настоящего золота.

– Ох, да к кому я обращаюсь... – продолжала кипеть Иэра. – Ты и обручальное кольцо с него снимешь, не так ли?

– О! Хорошая идея, – согласилась Васка, посмотрела на труп и вздохнула. – Не выйдет. Его рука уже съедена.

– Ты... ты... – покрасневшая от гнева Иэра схватила Васку за плечо. – Тебя вообще не волнует ничего, кроме наживы и собственного удовольствия? Ты просто самоуверенная гена, стервятница!.. Ты же понимаешь, что он всё ещё здесь? Его дух. Пока рядом не появились следы Звёздного Лиса. И я надеялась, что вступление в Дом хоть немного тебя образумит...

Васка старалась держаться и не ответить – словом или кулаком. Она резко стряхнула руку сугнирки с плеча.

– Не лис, а диорнс. Разве в Инквизиции не преподают религию? Или вам только навязывают там трепет перед постулатами? – Васка по-волчьи глядела на Иэру. Та оскалилась в ответ, и в свете луны блеснули её белые клыки. – И если сам Звёздный король не считает нужным прийти по душу

этого куска мяса, то почему я должна сидеть над ним?

– Как же ты бесишь, – откровенно заявила сугнирка. – Даже сейчас, когда мы должны работать вместе...

– Я тебе ничего не должна, это раз, – перебила раздражённая Васка. Она чувствовала, что ещё немного и все предохранители сорвутся, – Я не клялась быть защитником справедливости – два. И...

– Да плевать я хотела на твои циферки, – не выдержала Иэра. – Думаешь, сделаешь рожу покислее и станешь мудрей всех экзорцистов?

– Как минимум одной, это точно, – огрызнулась Васка и отшатнулась от удара по лицу.

Закрыв щеку ладонью, она с ненавистью посмотрела на Иэру. Сугнирка стояла, распалившаяся, растрёпанная, с яростным огнём в глазах. Сейчас она являлась полной противоположностью тому, чем стремилась быть. Подумав об этом, Васка не могла не рассмеяться. Это получилось глухо и совершенно невесело. Наверное, она сама выглядела не лучше, с растрепавшимся хвостом волос и перемазанным лицом, она немного по-дикому ухмылялась, что очень не шло человеческой расе.

– В следующий раз я отвечу, – предупредила она, потрогав щёку. Та горела, но не опухала. К счастью, Иэра ударила не той рукой, на которой носила все свои кольца.

Издав презрительное рычание, сугнирка отвернулась. Возможно, до неё дошла вся глупость ситуации. Иэра накло-

нилась к трупу и, не глядя на Васку, попыталась уложить его более-менее аккуратно. Тщётно – несчастный человек скорее походил на растерзанный мешок с мясными ошмётками. Иэра вздохнула и покачала головой.

– Хочешь копать яму, валяй, – с почти напускным равнодушием бросила Васка и отступила к поверженному монстру. – Я помогать не буду.

Лунный царь и его белые лисы-помощники и так найдут душу несчастного, чтобы увести его в звёздный чертог. Васка не собиралась ждать, пока рядом появятся следы мягких лап. Если, конечно, душа вообще достойна такой участи.

Чудовище сдохло окончательно. Уперевшись сапогом в морщинистый лоб, девушка ухватилась за Зубристый и резко потянула. После недолгих усилий клинок вышел из черепа, вызвав ещё один ручеёк тухлой крови. Поморщившись, Васка принялась вытирать меч о траву. Изредка она бросала косые любопытные взгляды на Иэру. Сугнирка стояла над трупом спиной к ней и не шевелилась.

«Запризывную, что ли, читает?» – подумала Васка, но молчала.

Наконец, когда все вещи были собраны, а оружие и цепь очищены и сложены, инквизитор обернулась. Её фиолетово-серая кожа серебрилась в свете луны.

– Пойдём, – коротко кинула она и быстро направилась прочь с поляны.

Нерумикон, ночь Жатвы, 19—20

Васка сидела в центре зала.

В центре зала для Медитаций.

Васка была не из тех, кто тихонько пробирается в общий зал, чтобы забраться в угол и неловко повторять за остальными. Раз уж она пришла, она собиралась получить своё по максимуму. Поэтому она уселась прямо посередине, положила перед глазами Талисман Определения и всерьёз пыталась сосредоточиться.

И все-таки она пришла ночью. Звёзды светили сквозь высокие узкие окна; даже не окна, а щели в стенах, забранные маленькими белыми стёклышками.

Сзади раздались шаги Наставника. Его имя Васка так и не удосужилась запомнить. Он стоял за её спиной несколько минут, но Васку это не беспокоило. Она сидела, неподвижная как камень, и по ней сложно было сказать, подозревает ли она вообще о чужом присутствии. И дышит ли вообще.

– В тебе всё-таки есть потенциал, чтобы стать экзорцистом, – прозвучал глухой, но добрый голос.

Васка устало покачала головой.

– Вы отвлекаете меня от умственных занятий, учитель, – сдержанно ответила она. Почти без иронии.

Последние дни она потратила на попытки честно про-

явить интерес к обучению. В Инориуме учёба давалась ей легко, и Васка всегда считала себя способной и особенной, но с тех пор, как покинула Парящий Остров, у неё не было причин стремиться к чему-либо. Теперь – возможно, из-за Иэры, которая ведь может и вырваться вперёд, и начать зазнаваться... или её забрала эта общая атмосфера нравственности и устремления? Или испугали рассказы о провалившихся неудачниках, потерявших души?.. А может, потому что Васке наконец предлагали развивать то, чем она являлась *на самом деле*. Экзорцисты – странные ребята. Иногда они казались Васке смешными и несерьёзными. И в то же время... ох, нет, она не могла восхищаться ими.

И вот ведь, Васка даже среди родичей умудрялась быть морально безнадёжной. Настолько, что даже не пыталась восторгаться доблестными качествами или стремиться к ним.

Она – Древнее Зло. Потомок мглородившихся, создавших разрыв в Сфере и запустивших внутрь монстров из Внешнего Пламени. Это было близко и понятно. Она не удержалась в Инориуме, она не стала чем-то великим или потрясающим, она просто бездомная бродяга, наёмница и потаскуха, как ругалась Иэра. Вурдалачий понос, зачем она вообще здесь?

– Все сражаются с монстрами, – заговорила она. – Инквизиторы, алмазная гвардия, охотники-одиночки... Почему экзорцисты? Почему вы всё это затеяли? Чем мы лучше их?..

Васка слушала тишину, кусая губу. Она даже не рассчи-

тывала всерьёз получить какие-то новые ответы.

– Я видел, как ты смотрела на Карперина. Ты не признаёшь его, – как Васка и ожидала, наставник ответил совсем невпопад. Какой бестолковый наставник.

– Карперин... главный мастер экзорцист? А, нет, он не может быть экзорцистом. Он простой человек. Не переживший.

– Да. Ты не согласна подчиняться человеку?

– Да нет, всё правильно. Мы – дикие звери, в конце концов. Кто-то должен держать поводок, чтобы не случилось беды... – Васка представляла, как хмурится фигура за её спиной. Она успела понять, что Карперина любили в Доме. Он придумал идею, он начал это всё. Он, будучи старым воином и успешным торговцем, на свои деньги начал осуществлять одну из самых романтических идей, когда-либо, наверное, возникавших в пределах Сферы Жизни. Разыскать заслуженно проклятых существ, собрать их в тепле и добре... дать надежду, дать титул, дать шанс... Только непереживший мог изобрести такое.

– Он влюблён в мглородившихся, – наставнику наконец наскучило стоять вне зоны видимости, и он вышел вперёд, в лучи света инеево-серебристой луны. – Когда обычные люди, или серокожие – кто угодно – смотрят на монстров, они всегда ощущают одно и то же. Ужас. Ненависть. Отторжение. Знакомые слова?

Знакомые. Так назывались формы лиц, с которыми люди смотрели на Васку.

– ...и так они все и идут в бой, – продолжал старик. – Защитники. Охотники. Инквизиторы. Великолепные мечники, все они, но в конечном счете всё, что они делают, происходит из...

– ...страха, – закончила Васка. Она чувствовала, как нотка злорадного восторга сорвалась с её языка в этом слове.

– За свою жизнь. Честь. За любимых. За будущее мира, в котором они растят детей. Всё, от чего мы с тобой изначально избавлены. А что ты чувствуешь, когда стоишь перед чудовищем?

Васка задумчиво усмехнулась.

Бояться? Она когда-то запустила монстров в Сферу Жизни. Внешние разрушили полсферы, разрушили тысячи жизней, исказили навсегда два народа. Они отняли покой у всего мира.

Но когда Васка стоит одна перед ливневым вурдалаком, не существует ничего такого, что эта пакость могла бы у неё отнять.

Когда-то она запустила монстра в Сферу Жизни. Это ошибка, которую ей следует исправить. И это не описать ни трактатами, ни наставлениями. Когда-то давно, много жизней назад, Васка была среди первых, кто посмотрел монстрам в глаза. И с тех пор между ними установилась связь, что не забыть за сотнями перерождений. С тех пор они несутся навстречу друг другу.

– Ты чувствуешь это?

Васка молчала.

– Ответственность, – продолжал петь Наставник. – Мы сражаемся не от безысходности, и не ради почестей. Экзорцисты впиваются в дело, потому что это *наше* дело, это в нашей крови. Медитируя, ты очищаешь мысли с одной целью: отличить по-настоящему важное от остального. Изгоняешь всё лишнее из разума. Удаляешь предрассудки, неконтролируемые эмоции, лишние сомнения. Душа должна обесцветиться, а не волосы. Волосы побелеют сами. И это... – он показал на Талисман. – Ты знаешь, что дело не в металле.

Васка слушала. Пристань к ней старик днём с этими наставлениями, она бы... нет, днём Наставник не нашёл бы её в зале Медитаций. А вот ночная тоска держала Васку здесь, требовала слушать больше. Большое дело, ответственность... Но что, если Васка совсем не такая, как все эти люди? В ней не было встроенного благородства, не было духовной красоты и добродетели. Она оказалась в Доме Экзорцистов не от чувства долга, а лишь потому, что проходила мимо.

Она всё искала ответ на заданный вопрос. Что она на самом деле чувствует, стоя перед Ит Ахра? Что же это за ощущение такое...

Васке легко дались боевые испытания... да какие же это были испытания? Половина рекрутов сами поубивали друг друга, минуя правила. И в чём-то это было весело. Васка

осталась в выжившей половине. Но это не значило, что она лучше. Это лишь значило, что она более способна к выживанию. Каждый, кто страстно желал присоединиться к экзорцистам, но был убит по глупости, всё-таки заслуживал этого звания на порядок больше.

«Очисти сознание, выброси всю отраву за пределы своей сферы жизни, – мысленно повторяла Васка с зажмуренными глазами. Она привыкла нерумом прочищать сознание. – Пусть всё ненужное горит за её пределами». И всё-таки, что же это за шершавое чувство, которое захватывает её при встрече с монстрами?..

– Ты видишь, – продолжал глухой голос сзади. – Очисти разум, среди переполняющего шума разыщи то, что по-настоящему имеет значение. Тогда твоя истинная кровь проступит сквозь обыденное воплощение. И тогда ты услышишь голос мглородившихся, живших до тебя в цепи реинкарнаций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.